

Владимир Комарьков

ХРОНИКИ АРЛИ

книга первая

Где я?

18+

Владимир Валерьевич Комарьков
Хроники Арли. Книга 1. Где я?
Серия «Хроники Арли», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49786140

SelfPub; 2025

ISBN 978-5-532-04250-6

Аннотация

Александр молод и перспективен во всех отношениях, ведь за спиной влиятельный отец, а впереди безоблачное будущее столичного мажора. Но он желает двигаться вперед самостоятельно, без родительской помощи, ведь он не из тех, кто плывет по течению. Одно только но: однажды он просыпается в каменных катакомбах без одежды, связи и света.

Владимир Комарьков

Хроники Арли.

Книга 1. Где я?

Комарьков Владимир Валерьевич

Где я? Хроники Арли

Москва

Июнь 2019

Где я? Хроники Арли

От автора: «Уважаемый читатель, эта версия книги устарела, автор настоятельно рекомендует вам найти редакцию книги от 2025 года»...

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Темно, хоть глаз выколи, – где это я? Разницы между открытыми и закрытыми глазами никакой, и тихо так, что

слышно, как бьётся сердце и где-то капает вода. Стоп, какая вода? Откуда здесь вода и где это здесь?

Оказывается, я лежу на чем-то твердом и не слишком уж ровном. Почему я лежу? Я же был в машине.

И где мой телефон? Обычно он обживает задние карманы, переползая из одного в другой, но сейчас я почему-то его не чувствовал. И джинсы какие-то странные: слишком мягкая ткань и нет карманов. Меня прошиб пот. Я что, переоделся?! И почему в памяти ничего не осталось? Не помню, чтобы я пил. А что я вообще помню?

Так, я приехал на встречу, а Вася опоздал, я ждал его в машине и, кажется, уснул. Хм... а проснулся уже здесь? Где?

Я резко вскочил на ноги и тут же повалился обратно, держась за голову и разбрасывая вокруг искры: потолок подкачал с высотой, и я со всего маху ударился головой. Как же больно! Меня прострелило от темечка до пальцев ног, и я повалился обратно. Полежав так с минуту, растирая ушибленное место, второй раз я поднимался аккуратно и медленно, вытянув руки вверх. Почти сразу пальцы нащупали грубую, ещё более неровную, чем пол, поверхность. Вроде бы бетон или что ещё это может быть? В любом случае выпрямиться в полный рост не получилось – мешал потолок.

Где бы раздобыть свет? После неудачной попытки рискованных действий предпринимать не хотелось. Кто знает, может, совсем рядом лифтовая шахта, и я, сам того не зная, сделаю неверный шаг, а потом скажут, что сынок богатого

папы вконец обкурился и бросился вниз. Даже если это трижды не так, разве кого-то волнуют детали? Жареное толкает рейтинги вверх.

Я опустился на карачки и осторожно пополз в произвольном направлении. Через пару минут выяснилось, что от стены до стены не больше двух метров. Шахта? Заброшенный коллектор? Стены – тот же самый, похожий на бетон, камень. Я слышал, что, если зрение не помогает, усиливаются другие органы чувств, но вокруг царствовала тишина, а нос улавливал лишь аромат затхлого, застоявшегося, непроветриваемого помещения. Да где же я?! Полцарства за айфон с фонариком!

Минут десять ушло на то, чтобы придумать правдоподобную версию, но дело не двигалось с мёртвой точки – где-то в глубине нарастала паника: если я прямо сейчас не начну что-то делать, потом будет поздно. Вот уж не думал, что на меня так подействует темнота.

То ли глаза привыкли к непроглядной тьме, то ли мне показалось, что стало светлее: абсолютная темнота постепенно сменялась зеленоватым мраком. Я чуть было не заорал и не запрыгал от радости! Приступ паники окончательно отступил, но с демонстрацией чувств лучше всего не торопиться, мало ли какие сюрпризы скрываются совсем рядом.

Я присел рядом с кучей битого камня, наваленного вдоль

стены. Дико хотелось пить, шершавый и острый от жажды язык царапал небо. Вокруг царствовал камень. Он был повсюду, свисая наростами с плохо обработанного потолка, давил сбоку, вызывая гнетущее ощущение замкнутого пространства. Нельзя было даже выпрямиться в полный рост – ссадины на голове быстро приучили ходить пригнувшись.

Через некоторое время картинка более-менее прояснилась, и теперь мне словно надели очки для ночного видения: серо-зеленые силуэты, изрядно сдобренные порцией тьмы, корчили рожи, принимая неестественные очертания. Самые дальние уголки моего невольного прибежища по-прежнему скрывались во тьме. Впрочем, мне было не до красот, как я и предполагал, меня закинуло в коридор. При более внимательном взгляде оказалось, что с одной стороны он завален крупными глыбами, с другой – зиял черный провал уходящего неведомо куда хода. Видимо, мне туда!

Раньше я не замечал за собой приступов клаустрофобии, но сейчас меня не покидало чувство, что коридор становится уже, и слышно, как где-то зловеще поскрипывает спрятанный механизм. Но наваждение отступало, сменяясь приступами голода и жажды.

Я каким-то невообразимым образом угодил в шахты. Или это катакомбы? Чем одно отличается от другого, понятия не имею, но звучали оба слова именно так: темно, мрачно и безрадостно. Словно в подтверждение моих мыслей, затхлый, несвежий воздух с запахом пыли и каменной крошкой вско-

ре отвратительно захрустел на зубах, забился в нос, залез в глаза.

Наконец мне удалось немного успокоиться и вернуть способность размышлять здраво. Мысленно перебрав варианты своего таинственного перемещения, я так и не смог прийти к какому-то конкретному выводу. Следовало найти рациональное объяснение, а в голове вертелись мысли: «какого черта?!» и «кому оторвать голову?!» Если это шутка, то шутка весьма неудачная.

Надо отметить, что мне в какой-то мере повезло. Оказаться в полной темноте в незнакомом месте – совершенно безрадостная перспектива. А через несколько секунд я догадался, чему обязан своему просветлению, – стены местами густо покрывал мох, испускающий слабое зеленоватое свечение, отчего картинка становилась сюрреалистичной, словно в компьютерной игре, где по коридорам бегают разная нечисть. На ощупь растительность слегка напоминала намокшее махровое полотенце, оставляя на ладони холодный, влажный след, и, если растереть, слабо отдавала мятой. Если бы не это странное свойство – светиться в темноте, – я бы наверняка оторвал от стены немного, чтобы протереть саднящее от пыли лицо. Но чувство осторожности, точнее, боязнь занести какую-нибудь экзотическую заразу, подаввшись минутной слабости, останавливало. Лучше обождать. К тому же говорят: грязь больше сантиметра отваливается сама.

Я опять остановился: вокруг стояла осязаемая тишина. Знаете, такая тишина, что рано или поздно вползает в голову и начинает звенеть в ушах. Она, словно оживший туман, обволакивает с головой, поглаживает по плечам, сверлит взглядом спину, заставляя оглядываться в страхе.

Сколько я здесь? По ощущениям не меньше часа. Мне доводилось слышать, что время в стрессовой ситуации течет совсем по-другому. Куда же запропастился мой телефон? Я в очередной раз пожалел о своей пропаже. Даже если бы не работала связь, фонарик с часами пришлось бы как нельзя кстати.

Я еще раз похлопал себя по карманам, в очередной раз убедившись, как в их отсутствии, так и в том, что на мне чужая одежда. Нет, это не лезет ни в какие ворота: у меня пропал телефон, кто-то позарился на мои брюки. Чего ожидать дальше?

Следовало хоть как-то понять масштаб бедствия. Мох давал совсем мало света, но его хватило, чтобы разобрать, что вместо джинсов от Армани я одет в нечто из ткани, напоминающей мешок для картошки. Сюрпризы этим не ограничились. Выяснилось, что на мне нет даже трусов, а то, что я поначалу принял за широкие брюки-карго, оказалось просто куском материи. Довершала картину веревка, перепоясывающая ткань, связанная из множества отдельных кусочков.

С рубашкой тоже не стали мудрить. Зачем?! Ее заменял обрез из все той же мешковины в виде пончо с дыркой для головы. Куда я смотрел раньше? Почему заметил только сейчас? Виной тому пресловутый стресс. Я сделал ещё одну зарубку в памяти, и долг неизвестного шутника немедленно прибавил в цене. А копить долги не в моем характере.

К отсутствию часов на руке я отнесся уже почти философски, понимая, что, если уж не побрезговали одеждой, «Брегет» заберут абсолютно точно.

Тяжелее всего оказалось привыкнуть к мысли, что придётся смириться с потерей любимых ботинок. Броги сейчас пришлись бы как нельзя кстати. Нет ничего лучше толстой подошвы, когда под ногами крошево из мелких, острых камней. Впрочем, как ни странно, босой, я не испытывал особого дискомфорта, а камни, только с виду вызывая опаску, на деле не доставляли никаких неудобств. При этом мне было сложно припомнить особую любовь ходить босиком. Ладно, тоже спишем на стресс.

Чем больше я думал о случившемся, тем больше выходил из себя, в конце концов самому себе напоминая паровоз, который вот-вот взорвется, если не спустит пар. От ярости непроизвольно сводило скулы. Тварь, которая сотворила со мной эту шутку, будет долго ее вспоминать. Главное, не убить бы, а руки-ноги мерзавца со временем заживут – сейчас врачи творят чудеса, говорят, даже пришить могут обратно, если вовремя обратиться.

Размявшись, чтобы чуть-чуть разогнать кровь и согреться, – здесь не очень-то жарко, – я постарался приободриться. Даже если меня забросило в старые, заброшенные подземелья под столицей, о которых в детстве не мечтал только ленивый, выбраться отсюда не составит труда, пусть и придётся основательно повозиться. Раз кому-то удалось пробраться сюда с грузом в виде человека в бессознательном состоянии, значит, одному и в сознании вполне под силу проделать обратный путь.

Черт возьми, я ещё ни разу не попадал в подобную ситуацию. Что вообще происходит? Банальное ограбление? Розыгрыш? Похищение?

А что? Есть у меня один такой приятель. С очень специфическим чувством юмора. Нет, я тоже не подарок и могу подшутить над друзьями. Иногда даже на грани фола. Было пару раз... Ну а чем ещё заняться, когда человеку скучно и водятся деньги? Или, лучше сказать, – не переводятся.

Но Вася в принципе не знал меры. Отмороженным в полном смысле этого слова он, конечно, не был, но и нормальным его назвать язык не поворачивался.

Как-то раз он нанял двух человек, чтобы те подорвали бронированный лимузин одного нашего знакомого, который вечно хвастался своим пуленепробиваемым четырехколесным чудом.

Ну скажите, зачем двадцатидвухлетнему пацану бронированный лимузин?

Вася поначалу ему не поверил – он вообще мало во что верил сразу. А когда он во что-то не верил, да-да, шел и проверял. В основном не своими руками, а папиными деньгами. Авто, кстати, действительно оказалось что надо. Мой знакомый не пострадал, но пережил несколько, несомненно, неприятных моментов, когда трехтонную машину, словно игрушечную, взрывом подкинуло почти на полметра вверх. Хвастаться стало нечем, грамотные люди вынесли вердикт: под списание. Дело замяли – отцы обоих имели общие интересы, поэтому один отпрыск отделался лишь испугом, а второй на год в расстроенных чувствах укатил в Италию в частную школу под особый надзор.

Так что шутка вполне в его стиле. Сначала позвать на встречу, но причину так и не озвучить. Затем сообщить, что сильно задержится. Дальше просто: дожидаться, пока меня сморит сон, – по моей привычке спать в машине в свое время не проехался только ленивый, – а дальше дело техники. Машина у меня приметная, да и место обговорили. Искать не нужно. Другое непонятно: чем я ему успел насолить? Мы и не пересекались вроде, давным-давно расставив все точки над *i*.

В общем, если я вляпался в неприятности по вине этого идиота, мало ему точно не покажется.

Спустя некоторое время мрак ещё больше рассеялся, или мне показалось? Наверное, глаза с каждым часом все больше

адаптировались к темноте, и скоро я буду видеть в полумраке не хуже соседской кошки. Прямо туман войны какой-то – пробудь в подzemелье полдня и получи плюс десять к обзору. Только на игру пока совсем не похоже, да и не любитель я компьютерных игр, пусть другие зарабатывают и тратят фантики, я сторонник зеленой партии. Так что антураж и наполнение меня не устраивали. А наряд и вовсе отдавал чем-то первобытно-общинным. Ну или на крайний случай и с большой натяжкой я сойду за шотландца. Правда, очень-очень бедного шотландца. И где откопали подобную рухлядь?

Я подвигал плечами, чувствуя какой-то дискомфорт. Что-то ещё, помимо одежды, было неправильно, но я пока не мог разобраться, что именно. Может, с непривычки болит спина, ведь приходится слишком сильно втягивать шею, чтобы не рисковать головой. Эту мысль я так до конца и не додумал.

Как там говорится, семь раз отмерь? Заниматься измерениями можно до бесконечности, выверять, прикидывать варианты, но так дело не сдвинется с мертвой точки. Мало того, что размышления ни на миллиметр не приближали меня к разгадке, так одними гипотезами из-под земли не выберешься. Как в известном анекдоте: чего тут думать, бежать нужно! Не сидеть сложа руки, а скорее искать дорогу наверх, чтобы найти помощь. А дальше уже не моего ума дело – поумнее да поопытнее люди найдутся. Номер телефона старшего группы своей охраны, Сергея Александровича, в миру просто Серсаныча, отец заставил вызубрить лучше, чем на-

чало песни про елочку. Телефон же вообще найти не проблема – без связи сейчас даже бомжи не обходятся. Уж на кнопочный телефон и один звонок я точно могу рассчитывать.

С направлением движения тоже никаких сложностей. Чего тут думать, когда ты в тоннеле, одна сторона которого наглухо замурована. Идеальный случай для моего поколения: тебе дают выбор без выбора.

Вот почему так происходит? Обычно я не очень-то обращаю внимание на потребности своего организма. Нет, с тех пор, как в обществе стал моден ЗОЖ, приходится соответствовать. Хотя раньше про это модное слово, по словам старших товарищей, никто и не слышал. Зато теперь, если ты не ходишь в спортзал или не играешь в хоккей, ты не в тренде. Поэтому и ходил, и играл. Но и поголодать мог спокойно. Или обойтись один день без двух литров воды.

Обычно так и было. Но не сегодня. Из желудка доносилось душераздирающее кряхтение, а язык всячески пытался выскрести капельку влаги. Возможно, это эффект того, что подсознательно организм чувствовал: ни воды, ни еды взять негде. Ну пока негде. И в карманах нет ни копейки, как, кстати, и самих карманов. Про кредитки я вообще старался не вспоминать, физически ощущая, как со счетов утекают деньги.

Значит, все-таки ограбление? Банальное и такое неожиданное. Почему неожиданное? Потому что всегда думаешь,

что уж со мной-то этот трюк не пройдёт! И на тебе: ни часов, ни бумажника, ни денег, ни телефона, ни даже одежды – всего того, без чего я ничем не отличался от людей, которых мы стараемся не замечать, если ранним утром видим у помойных контейнеров.

Ладно, к черту невеселые мысли. Мне нужно всего лишь выбраться отсюда наверх.

Я огляделся ещё раз – в этом пещерном царстве заморить можно было только себя самого, а не того пресловутого червячка. С водой и того хуже, а пить хотелось все сильнее. В крайнем случае буду облизывать мох – бархатная поверхность растительности на стене была сплошь усыпана темными крапинками воды, тускло поблескивающими в темноте.

Все-таки странные мысли приходят в голову, если человека выдернуть из привычного мира. Умыться мхом мне мешает опаска, а слизывать воду с его листьев я почти что готов. Нет, полизать мох я всегда успею. Если не найду минералку.

Я окинул прощальным взглядом место своего недолгого пребывания и, сильно пригнувшись, направился по коридору. Глаза привыкли к полумраку настолько, что подсветка из мха на стенах исправно справлялась с освещением дороги. На пути то и дело попадались небольшие завалы и отдельные камни, которые я обходил или без труда перешагивал. Настроение постепенно повышалось, хотя и осторожно-

сти терять не следовало. Я даже начал находить определенное удовольствие в происходящем. Когда ещё я смогу побыть в подобной переделке без особого ущерба для себя? Часы, деньги, одежда – дело наживное, а сам себе такое приключение устраивать точно не станешь. К тому же нужно будет как следует растрясти воображение и достойно ответить всем шутникам.

Коридор тянулся и тянулся, уже пятнадцать минут ни одного ответвления. Даже ребенок, и тот не заблудится. Значит, все-таки шутка. Интересно, приложил к этому руку Василий или идея чья-то еще? Кто там еще такой же находчивый? Игорь? Семен? Нет, у Семена туго с воображением – исполнить сможет лучше многих, а придумывать – совсем не его удел.

Я все больше убеждал себя в том, что вот-вот встречу персонал по организации квестов и заранее на это настраивался. Пожалуй, я даже не буду поднимать шум по поводу моего «похищения» пусть только часы отдадут. Ну и все остальное тоже.

В следующий момент я кубарем покатился по полу, получив сильнейший удар в лицо. Правая часть лица онемела, во рту появился соленый привкус крови. Следом вспыхнула острая боль в спине. Плечи и шею как будто охватило пламя. На миг перехватило дыхание. Удар оказался настолько для меня неожиданным, что к своему стыду я никак не мог подняться, суча ногами и руками, как майский жук, которо-

го перевернули панцирем вниз.

Что это было? Больно до слез в глазах. Я пытался рассмотреть своего обидчика и не мог. Картинка перед глазами расплывалась, у меня никак не получалось сосредоточиться. Я дотронулся до носа, на пальцах осталось что-то липкое и горячее. Кровь! Много крови! От осознания своей беспомощности меня охватило бешенство.

– Ах, ты, урод... – мой монолог был прерван, как и мысли за несколько секунд до этого: второй удар вышел довольно чувствительным, хотя и не такой силы, как тот, что свалил меня с ног. Или не хотели совсем уж калечить, или не поставлена рука.

Я не собирался просто лежать и ждать пока из меня сделают отбивную. Мне хоть и не посчастливилось служить Родине, и черный пояс был разве что от «Луи Виттон», но я мог за себя постоять. Телохранители – это здорово, но бывают ситуации, когда приходится делать все самому. Да и вообще, я полагал, что репутация в конечном счёте – лучший защитник.

Я снова сделал попытку встать, впрочем, такую же неудачную, как и предыдущая. Тело слушалось плохо, куда-то враз подевались реакция и сила. Словно из меня вынули стержень.

Меня вразумили с пятого раза. Если выбирать между «сдаться» и «тебя забьют насмерть», я все-таки остановлюсь на первом. Хотя и не сразу. К тому же на третьей попытке

жалость у моего обидчика иссякла. Он удивленно хрюкнул, что-то сказал неразборчиво, а затем меня начали бить в полную силу. Я, как мог, прикрывал руками лицо и бока, так что досталось рукам и ногам. В итоге я на практике познал древнее правило: молчание – золото. Впрочем, те, кто знал меня достаточно хорошо, поняли бы, что это многообещающее молчание.

Мой обидчик, хорошенько меня обработав, удовлетворенно бурчал под нос и прохаживался вокруг: здесь шахта слегка расширилась на самой развилке. Моё хорошее настроение сменилось сначала оторопью, а потом и откровенным гневом, но я больше не пытался его показать. Лежа на боку и баюкая отбитые руки, я лихорадочно соображал. Какой уж тут розыгрыш?! Похищение! Но кто?! Кто посмел?! Кому я успел перейти дорогу? Да, не любили меня многие, но на такую откровенную акцию могли пойти единицы. Или это не по мою душу? Может, тут наследил отец? Кто-то хочет его денег или услугу?

Я лежал почти неподвижно, ожидая продолжения. Ну должны же мне сказать, что от меня нужно? Если бы хотели убрать, вряд ли затеяли такую сложную комбинацию. Или это элементарная попытка меня запугать? Что мне делать? Изображать из себя крутого? Впрочем, чего тут изображать? Маска покорности никогда не была моим коньком. Папа нередко повторял фразу: если не можешь стать душой компании, стань ее главой. А уж как этого добиться – вопрос

отдельный. Инструментов для управления людьми хватало. Но и грудью на пулеметы кидаться не стоило. Вон она у меня какая хилая оказалась.

Долго ничего не происходило. Странный тип ходил и ворчал под нос, я лежал и старался не двигаться, невольно морщась от боли. Впрочем, все равно было терпимо, меня давненько не били, и мне понравилось, что я держу удар. Не понравилось другое: я его просто держу и не могу ответить. Я вглядывался в зеленоватый сумрак. Кстати, если бы не эта незапланированная остановка, развилку туннеля я бы пропустил. Стены в этом месте слегка раздвигались в стороны, практически закрывая выступом небольшой провал в тусклом свечении. Тут-то меня и подкараулили. Да и я молодец, проворонил, расслабился раньше времени, напридумывал себе невесть что. Хотя кто бы мог представить такое завершение незапланированной прогулки.

Впрочем, ничего ещё не закончилось. Для меня, скорее, все только начинается.

Мои мысли прервал звук шагов. Темнота скрадывала очертания, и фигура человека с трудом различалась с трёх-четырёх метров. Судя по звуку, он немного подволакивал ногу. Вроде бы, правую – черное пятно на месте головы дергалось в сторону, когда тень делала шаг этой ногой. Помня реакцию на мой голос, я помалкивал, оценивая шансы на следующую попытку.

Пора или нет? Какой-то он слишком здоровый. К тому же

мне очень не понравилась боль в спине. Что это? Последствия неудачного падения? Мне все-таки достались сильнее, чем рассчитывал? И ещё я заметил, что не могу лежать на спине ровно, как будто что-то мешает.

Ещё пять шаркающих шагов в тишине. Я едва сдерживал нетерпение, до того мне хотелось увидеть, кому пришло в голову организовать моё похищение. В том, что это именно похищение, я уже почти не сомневался. Даже если это и не сам организатор, я наконец узнаю цель мерзавца, ну и, конечно, цену моей свободы. Вряд ли кому-то нужна моя смерть. Живой я более ценная добыча, тут можно даже поторговаться: как-никак, я у отца единственный наследник. Во всяком случае, я очень на это надеялся.

Меня слегка потряхивало. Адреналина в крови хватало, но нельзя сказать, что мне было страшно. Играла на нервах неопределенность, не хватало информации, продолжала ныть спина, но я не боялся. Я пока не знал, что со всем этим делать, но привычно пытался продумать варианты действий.

Последний шаг оказался решающим. Мне хватило света, чтобы рассмотреть обидчика. От неожиданности я даже приподнялся. Я точно сплю! Ну или схожу с ума. Может, всё-таки квест? Из тех, где душат, связывают, топят, где все происходит на грани. Когда ставишь подпись, что «осознаешь и все принимаешь».

– Мужик, ты кто? – выдавил я из себя, не зная, смеяться мне или плакать.

Глава 2

Вам приходилось в вашей жизни одной-единственной фразой перечеркивать все? Я даже не знаю, как выразить это «все» словами. Ну нет в человеческом языке настолько емкого слова, которое отражало бы глубину и пронизывающую ясность того, что следует в него вложить. Как будто ты ещё есть, смеешься, плачешь, ругаешься, дерешься, наконец. А после тебя уже нет. Ты даже можешь продолжать делать свои привычные дела. Физически с тобой все в порядке: руки-ноги по-прежнему целы, голова на месте и даже живот не болит. А все равно что-то в глубине тебя понимает: тебя больше нет! И дом твой горит, сейчас горит, в этот момент, а все, что ты можешь,— стоять и смотреть, как в пламени исчезает вся твоя жизнь.

Может быть, что-то подобное испытывают люди, пережившие несчастную первую любовь. Помните? Ты ещё безоглядно любишь, в муках кричишь: вот он я! На, бери! Все отдам! Забирай! А перед тобой внезапно закрывают дверь. Не нужны человеку твои чувства и твое истекающее кровью сердце. Совсем не нужны, но ты-то этого не понимаешь, ты — любишь! И не доходит до тебя, что на самом деле, возможно, ты любишь совсем не человека, а это свое чувство. Наслаждаешься, упиваешься им, пьешь и не можешь напиться.

Но пролетают месяц, полгода, год, и чувства проходят. Ты

идеешь мимо и мучительно пытаешься вспомнить, почему ты едва не сошёл с ума, хотя с виду-то человек, как человек. Руки-ноги. Да и не такая уж красавица или красавец, на самом деле.

Я сидел в своём отгорке, на том же месте, где очнулся в первый раз. Мыслей не было, я тупо разглядывал стену перед собой. Иногда казалось, что зеленоватое свечение начинает пульсировать в такт сердцебиению, но спустя какое-то время ощущение проходило. У меня затекла спина, каменная крошка впивалась в кожу, и холод пробирал до костей, но меня настолько занимали мысли о происходящем, что остальное казалось мелочью.

Сколько времени прошло с тех пор, как я встретил Трока? Это тот самый мужик, который периодически чешет об меня свои кулаки. А что поделаешь? Со своим ростом я почти ни разу так и не смог собрать свою норму улиток, а следовательно, и с едой у меня были проблемы. Правда, в последний раз ему за это досталось. Я вздохнул: желудок опять настойчиво напоминал о пропущенном приёме пищи, но к чувству голода я уже привык, голод – это уже мое нормальное состояние в этих местах.

Сложно вести отсчёт времени, когда для тебя нет разницы: день на дворе, ночь или раннее утро. Там, где мне суждено было вторично появиться на свет – прямо, каламбур получился, – всегда царила тьма. Все мои попытки отме-

чать время разбивались об отсутствие возможности его измерить. Даже элементарная смена дня и ночи оказалась для меня недоступна. Но что-то надо было придумать, потому что я понимал: все, что удерживает разум в не моем теле – это призрачная надежда. Неважно, на что я рассчитывал, память услужливо вычеркивала каждый прожитый день, оставляя нетронутой мысль, что нужно подождать. Чего? Не имеет значения. Просто подождать, и будет все по-другому.

Все равно я старался отмечать дни, хотя бы на глаз отмеряя время. Каждая черточка на стене, накарябанная моей рукой, что-то отнимала от моей жизни. Как будто резала саму ее суть. Но если бы этих черточек не было, разуму не за что было цепляться, нечего отмерять. Я скреб стену, выдавливая из надежды еще один день, и истово верил, что ещё чуть-чуть. Осталось немного.

Как я считал дни? Не знаю. Возможно, я рисовал две за день или не подходил к стене ни разу, падая от усталости в двух шагах от сделанного из более-менее чистого тряпья ложа. Иногда отметина появлялась на стене после сна, или я бросался к календарю в ужасе, понимая, что вот уже несколько дней, как мне казалось, не отметил его ни разу.

Эти черточки держали на плаву мой слабеющий разум, а каждый прожитый день все больше погружал в пучину беспомощности. Иногда я ловил себя на мысли, что подолгу замираю среди камней и могу так стоять очень долго. Мне кажется, что я жду чего-то. Тридцать чертовых черточек скребли

по моей душе ледяными когтями, а я не знал, сколько еще смогу нарисовать на стене.

Впрочем, когда меня оставляли в покое, я не всегда пребывал в отупении и сидел, уткнувшись в стену лицом. Иногда ясность мысли возвращалась, заставляя анализировать происходящее и требуя от меня активных действий.

Я неоднократно раздумывал над тем случаем, который возвестил об окончании моей прежней жизни. Бывают моменты, когда понимаешь, что произошло нечто необратимое, поворота обратно можно не ждать. Мои планы на ближайшее время, мои обиды и стремления – все, что составляет жизнь обычного человека, пошло под откос. Был Александр Гроцин, да и весь вышел.

А потом мне стало не до размышлений. Да и какие тут могут быть размышления, если человек, которого я увидел, выглядел точь-в-точь, как и я: бесформенная юбка, накидка с прорезами и веревка на поясе с измочаленными краями. Какой из него профессиональный похититель?

Его облик настолько отличался от того, что я ожидал увидеть, что мне не удалось сдержаться.

– Мужик, ты кто?! – выпалил я, и тут меня накрыло по-настоящему. Потому что это был не мой голос...

Вы знаете, бывают такие моменты, когда хочется честно

сказать самому себе что-то вроде «лучше бы ты умер, приятель»! Кому от этого было бы лучше, конечно, еще вопрос. Это сейчас тебе плохо, жизнь подстроила очередную подлянку, и кажется, что все ополчилось против тебя. Но ситуация может поменяться кардинально – вот ты опять на коне и уже жалеешь о своих словах, сказанных в минуту слабости. Впрочем, в последнее время мне было не до сожалений.

Да и с мыслями у меня, если честно, было не очень. Остались только желания. Причем, самые что ни на есть простые: поесть, поспать и чтобы оставили в покое. К сожалению, все три относились к разряду неосуществимых. В принципе. Ах, да, забыл, ещё меня жутко донимал холод.

Впрочем, обо всем по порядку. Ведь для начала, как порядочному человеку, мне следовало представиться. Да, как порядочному человеку... Звучит, конечно, двусмысленно. Особенно теперь. Почему, спросите вы? Потому что у меня нет ответа на этот вопрос. Я не знаю, кто я. Я не представляю, где я. И уже порядком сомневаюсь, человек ли. И только в одном я уверен: я это не я.

Мои невеселые мысли прервал звук шагов, гулко разносящийся по узкому коридору. Я испуганно вжался в кучу каменных обломков, которых в этом месте было превеликое множество, но сразу же сердито встрепенулся – это не моя реакция!

Можно ли за тридцать дней сломать человека? Наверное, можно и за три часа, но мне выпало именно «дней». Бить

здесь любили. Мне доставалось за все: не понравилось, как посмотрел, – получи, не принес, сколько нужно, – огреб сразу вдвойне, чешешься долго – ещё на тебе. Неповиновение каралось мгновенно, так что мысли о мести мне пришлось запрятать в самый дальний свой уголок. Дошло до того, что я стал вздрагивать даже от взгляда.

Черета дней слилась в один, так что иногда я с трудом понимал, как звучит мое прежнее имя. Сломался ли я? Наверное, и да и нет. Да, потому что всю мою «борзость» выбили из меня в первые дни. Нет, потому что неожиданно для себя самого я держался, даже уже не за месть, за себя самого, за свой костяк, за то, чем я был и хотел стать. Да, бабки, квартиры, машины, которыми мы хвалились друг перед другом, – это все важно. Но сейчас понял я также и то, что несмотря на все это, уступал место старшим, готов был вступить за незнакомую девушку, перевести пресловутую бабушку через дорогу. Как-то раз мой отец назвал все это «оставаться человеком» – слова, которые я запомнил надолго. Вот это меня держало. А также дикое желание при первой же возможности отсюда бежать.

– Иан! – хриплый громкий голос заглушал шаги. Никак старина Трок нарисовался по мою душу. Что на этот раз ему от меня надо?

– Иан! – уже ближе. Мне кажется, что я даже слышу, как невидимый пока Трок подволакивает правую ногу. Впрочем, бежать бесполезно: во-первых, некуда – я живу в тупике, во-

вторых, тогда мне точно мало не покажется. Лучше «найтись» самому. Тогда, возможно, достанется не так сильно. Опытным путем я выяснил, что любой, кто меня искал, считал своим долгом показать, как он недоволен тем, что ему приходится заниматься этим в высшей степени бесполезным делом. А люди это были простые, бесхитростные, поэтому и демонстрировали свое неудовольствие наиболее доступным для них способом: зуботычинами, пинками и прочим рукоприкладством.

Я выполз из своей щели, цепляясь за неровности стены. В голове царил сумбур. Неделию назад я словно проснулся. Нет, я по-прежнему старался не выражать недовольства, с постным лицом выполняя приказы. Но злость во мне требовала чьей-то крови. Всему моему существу опять было противно скрываться. С другой стороны, мне было страшно и жутко не хотелось куда-то идти, зная, чем это непременно кончится. Я мучился от того, что понимал: страх – последствие моего положения, это чувство навязано мне извне. Сжав зубы до скрежета, я поковылял в сторону злого сопения и приглушенных расстоянием проклятий. Нужно поторапливаться. Мне, знаете ли, тоже не бегать стометровку за девять секунд: пару дней назад я выяснил, что моя правая нога уступала по длине левой, из-за чего моё передвижение напоминало гусиную походку. Вальяжно, переваливаясь с ноги на ногу, идти ещё можно, но стоит начать торопиться, как превращаешься в жирную утку, которая спасается бегством от

постукивающего половником о топор повара.

И так не слишком высокий темп практически сразу упал вдвое, потому что темнота и дорога ограничивали скорость гораздо лучше любых камер. Под ноги постоянно попадались камни, под действием времени выпавшие из стен и потолка. Кое-где приходилось огибать полусгнившую опалубку и завалившиеся деревянные столбы, когда-то подпиравшие потолок. На них я тоже не обратил внимания в свое первое путешествие по коридору. Как я и предполагал, это место было давным-давно заброшенной угольной шахтой. Впрочем, с тем же успехом здесь могли добывать железо или серебро – со мной не спешили делиться подробностями.

– Иан! – взревело над ухом, и я понял, что все-таки нашелся. В следующую секунду мощнейшая оплеуха сбила меня с ног. В принципе я мог увернуться, подставив плечо вместо головы, но последствия... Все мы очень часто забываем про последствия. Умный понимает с первого раза. Тупой, пожалуй, с третьего. Лично мне хватило пятого, чтобы уяснить простую вещь: лучше пожертвовать головой, чем всем остальным. По голове не целились и редко когда прикладывали особую силу, «отоваривая», скорее, по привычке. Но стоило увернуться, как привычка отступала на задний план, и мной занимались вдумчиво и обстоятельно. Последний раз я смог подняться только на следующий день, ощущая, будто по мне прошел каток. Ну каток, не каток, а Трок прошелся точно. И не единожды. Полагаю, предыдущий владелец мо-

его тела был безвольной, ходячей куклой, представляю, как удивился Трок, когда я бросился на него с кулаками.

Так что мне пришлось срочно умнеть, загоня ярость вглубь, запоминая, кому и сколько должен. Смогу отомстить или нет, не имеет значения, лучше быть ко всему готовым.

После оплеухи я послушно отлетел к стене, не сдержав стон, мысленно добавляя к счету хромого бугая еще одну единицу. Итого, он мне должен почти семьдесят, один удар – одна единица, арифметика – наука точная. Выживет ли урод после того, как я верну ему все долги, меня не особенно волновало. С ним я первым расплачусь по счетам.

Трок мрачно смотрел в мою сторону, раздумывая, не следует ли добавить, но, видимо, решил, что на сегодня с меня хватит и этого. Великодушная сволочь...

Он ткнул в меня скрюченным пальцем, ещё раз назвал по имени, смачно сплюнул и недовольно махнул рукой, велел идти за ним. Затем он развернулся и, подволакивая ногу, зашаркал туда, откуда пришел.

Мне ничего не оставалось, кроме как торопливо подниматься, не обращая внимания на обжигающий правую щеку след от удара. С ненавистью глядя в широченную спину, я поплелся следом.

Почему я сказал, что я это совсем не я? Что имел в виду? Тут вот такая штука. Человека определяет множество вещей. Осязаемых или эфемерных, вроде того, как он от-

носится к общественному мнению или отдает ли дань моде. Также его формирует окружение и вещи, которыми он привык пользоваться.

Я – это Александр Гроцин, двадцать три года, сын владельца финансово-промышленной группы, а не подземная крыса по имени Иан (Да, это теперь моё новое имя). Я – это квартира в центре столицы с видом на парк и дизайнерским ремонтом, а не мрачные, узкие, темные вонючие коридоры, высеченные из камня, покрытого светящимся в темноте мхом. Вместо изысканной мебели – каменное крошево, полусгнившее дерево и крысы размером с закормленную собачку соседки напротив. Вроде, ее все Банкой звали... Черт, это-то мне сейчас зачем? Соседка, небось, сейчас сидит у подруги и попивает мартини, а я...

Еще я – это костюм от «Каналли», который шился для меня на заказ, а не грубая ткань, едва-едва прикрывающая то, что ты должен прикрывать согласно канонам приличия. Это сумка «Луи Виттон» из Мюнхена которую я забрал прямо с витрины, потому что коллекцию только готовили к продаже, и мне пришлось проявить чудеса красноречия чтобы убедить фрау отдать ее мне. Или мой любимый ремень от «Гермес», с пряжкой, сделанной в единственном экземпляре, и врученный лично хозяином магазина. Где ты? Почему ты превратился в грубую лоснящуюся ворсом веревку, на которой узлов больше чем самой веревки? Мне казалось, что я – это еще и дорогой одеколон, но нет! Тот аромат, что со-

провождал меня здесь, вообще невозможно вообразить даже в страшном сне! Господи, как я сюда попал?! И куда, куда?? А, главное, за что мне все это?

Пока я предавался воспоминаниям, не заметил, как пришли. Я тут уже бывал раза два или три. Низкий коридор, по которому я тащился вслед за Троком, заканчивался просторным помещением метров шести в высоту и десяти в диаметре. Если бы не набившая оскомину полутьма и кучи битого камня под ногами, его можно было бы назвать дворцом, по крайней мере для здешних его обитателей. Хотя ни для кого, кроме меня, мусор не вызывал никаких негативных эмоций. Ну есть и есть. Ходить и жить не мешает.

Неизвестный мастер пожадничал и не стал вкладывать в это помещение даже маленького кусочка своей души, поэтому оно выглядело так, слово камень в нем просто срезали гигантским ножом для сыра. Пласты камня убраны кое-как, купол вышел неровным, заваливаясь на один бок. Видел ли это кто-то, кроме меня? Сомневаюсь, что кому-то было дело до архитектора-недотепы. Мне, впрочем, тоже, хотя дышалось здесь чуть полегче. Каким образом в этих подземельях существуют люди? Никакого движения воздуха, антисанитария и полное отсутствие удобств. Про удобства вообще разговор особый...

Не Версаль, с горькой усмешкой подумал я, даже не думая переступить порог. Этому меня тоже научили, правда, ока-

залось достаточно всего двух неудачных попыток. Я стремительно умнел.

Коль скоро помещение разительно отличалось от прочих, его приспособили для управляющей ячейки. Ну не в моем же отнорке вождю демонстрировать свою нереальную крутость? А тут практически царские хоромы. Грубый камень кое-где был занавешен цветными тканями, там и сям сквозь многочисленные прорехи просвечивала стена. Напротив входа, в котором я переминался в ожидании аудиенции, стоял... возвышалось нечто. Два здоровых валуна, скругленных человеческими руками, соединялись друг с другом общим основанием. Обладая должным воображением, сооружение можно было принять за трон. На нем и восседал мужик героических пропорций.

– Иан, подойди! – голос его был ему под стать, и ноги сами понесли меня вперед. Это был не страх, а чувство самосохранения.

По пути я еще раз окинул взглядом зал, привычно отстраняясь от неимоверно плотного аромата немых тел, кислото-го запаха гниющих объедков и приторных следов человеческой любви. Император всея подземелья, как обычно, был не один и на вонь во дворце не обращал никакого внимания. Допускаю, что он мог и не подозревать, что может быть по-другому.

Под его ногами лежало несколько гурий примерно в том же одеянии, что и у меня. Остальное население белокамен-

ных хором жалось по стенкам, переползая с места на место, словно огромные слизни, укутанные ворохом гниющего от старости тряпья. Изредка оттуда доносились нечленораздельные звуки борьбы и возня – это дрались за объедки с царского стола, которые владетель трона, забавляясь, кидал в слабо шевелящуюся кучу.

Рядом с тронном стояли двое, одного из которых я раньше не видел, второго вроде как звали Кароком. Это был личный, ну пусть будет телохранитель царька, хотя с тем же успехом он мог являться... Да кем угодно он мог быть, я и видел-то его до этого момента всего один раз.

По периметру зала все время продолжалось непрерывное копошение. Вдоль стен перемещались бесформенные тени, до меня долетели слабые стоны и хныканье. Процесс выглядел мерзко, поэтому я всю боролся с периферийным зрением, которое, объединившись с воображением, рисовало какие-то совсем уж отталкивающие картины.

Отец народов восседал на импровизированном троне, олицетворяя собой абсолютную власть. И, знаете, что-то такое в нем было от этих камней. Монументальное.

– Иан, – начал он, неторопливо, а я в очередной раз подумал, что, вот она, несправедливость, всю жизнь считать себя фартовым парнем и залететь. Это же надо так постараться, чтобы угодить в компанию к таким забулдыгам, на языке которых к тому же ты ни слова не понимаешь!

Я вспомнил, когда последний раз собирал свою норму, и

мне стало не по себе: за всё время такие случаи можно пересчитать по пальцам. Мне уже дважды приходилось держать ответ за лень и отсутствие рвения, ребра до сих пор ныли от последствий того разговора. Все, кто жил в пещерах делился на три категории: самая большая состояла из полуживых существ, которые с трудом передвигали ногами, они каждый день выходили на поиски этих проклятых улиток, чтобы на выходе за полную корзину получить порцию похлебки – я старался не думать, из чего ее делали, потому что больше все равно ничего не давали; вторая – гораздо более малочисленная группа разделявала наш улов, но туда допускали отнюдь не всех и почему-то люди там очень часто менялись; третьи же – это охрана, которая следила, чтобы система не останавливалась.

Наши охранники периодически развлекались тем, что в еду сборщиков добавляли какой-то гадости, чтобы затем с громким ржанием пинать безвольные туши рабов, пускающие сопли и слезы, ползающие по полу, как те самые улитки, которых они собирали. Чтобы не вызывать подозрений, мне приходилось валяться вместе со всеми, изображая экстаз. Я понял, что даже капля зелья, добавленная в еду, давала привкус наподобие ментолового, и я сразу мог отличить обычную баланду от похлебки с сюрпризом.

Цель всего этого бесконечного процесса мне была неизвестна, впрочем, это отнюдь не значило, что ее не было вообще. К нам захаживало много гостей, но все они проходили

довольно далеко от того места, где обитали рабы, поэтому слышались лишь их голоса и смех.

Я до сих пор не знал, где нахожусь. Даже приблизительно. Шахты шахтами, но один раз я все-таки попал наверх, и увиденное мне совершенно не понравилось. С точки зрения последствий, к которым оно вело. С эстетической же стороны дела у меня захватило дух. И поставило окончательный крест на моих надеждах.

В тот день я выбрался из своего убежища и сидел на полу рядом с развилкой, ставшей свидетельницей моей первой встречи со здешними обитателями. От безделья можно было сойти с ума: сегодня у моей партии работяг был выходной, потому что мой надзиратель куда-то ушел на пару дней. Мысленно я уже дошел до первого миллиарда из того списка версий, которые крутились в голове, но, как обычно, так и не пришел ни к какому выводу.

Из темноты донеслись шаркающие шаги, Трок – помани нечистого, он и появится – неторопливо показался из коридора и протопал мимо меня. Ненависть и желание вцепиться ему в горло останавливало только понимание того, что сила соломѹ ломит. Несмотря на непробиваемую тупость и неповоротливость, Трок был сильнее. Да я элементарно не смогу дотянуться до его горла! Даже использование подручных средств не гарантировало результат: камнем ещё нужно умудриться попасть в висок, а первые же опыты показали,

что верный глаз и твердая рука – это не про меня. Чего не скажешь об этом верзиле: кулаками и ногами можно особенно не выцеливать, а я не был так уверен, что переживу свою единственную попытку.

Пересиливая себя, я увязался за ним – хоть какое-то развлечение, но, главное, возможность собирать информацию. Текущие результаты не радовали – языка я не знал, меня никто не понимал, и за это время мне удалось лишь научиться различать имена и выучить простейшие слова. К сожалению, с таким лексиконом даже не спросить, как пройти в библиотеку, что уж тут говорить про посольство.

Трок безразлично мазнул по мне взглядом, я почувствовал, что ему все равно, иду я за ним или нет, и это решило дело. Прогонять меня никто не собирался. Я ковылял следом за ним, буравя недобрый взглядом его покачивающуюся спину.

Мой провожатый довольно прилично хромал на правую ногу. Видимо, последствия неправильно проведенной операции после перелома. Хотя, глядя на него и вообще вокруг, я сильно сомневался, а была ли вообще операция? Я бы даже взял всю медицину в целом. Ну откуда тут врачи? Они и о слове-то таком тут, пожалуй, не слышали. Как и об элементарных правилах гигиены.

О! Гигиена! Великое слово. Тут она была на недостижимой высоте! Начать хотя бы с того, что в шахтах никто не мылся. Аромат стоял... Хотя какой аромат? Все коридоры наполня-

ла непереносимая вонь, да такая, что, по-моему, воздух начал менять свои физические свойства. Подойти к другому человеку можно было лишь потому, что от тебя пахло точно так же. Картину усугублял тот факт, что в качестве отхожего места использовался один из коридоров шахты, хоть и достаточно отдалённый. Пройти мимо, на мой взгляд, уже подвиг. Обитатели шахт лишь недовольно морщились. Мне с моим коридором повезло оказаться в относительном удалении от места обитания основной части племени. До моего ответвления запах практически не доходил, но и движения воздуха тоже не чувствовалось – тупик, он и в Африке тупик.

Отдельно стоит рассказать о самом процессе. Никогда не задумывался, как люди в древности решали вопрос отсутствия туалетной бумаги. Оказалось, что методов достаточно много, только все они привели меня в ужас. Впрочем, одна из немногих вещей, которая не поддается прокрастинации или, говоря простым языком, желанию отложить все на завтра, это как раз естественная потребность организма. Поэтому выбор невелик: скребок, сделанный из камня, горсть каменной пыли или твоя собственная рука. А можно и все вместе для надежности. Мох, росший тут повсюду, прекрасно справлялся с функцией мокрых салфеток. Каждый поход приравнивался к войсковой операции, а унести из отхожего места ноги я почитал за счастье.

Меня передернуло от неприятных воспоминаний. Кто бы мог подумать, что за один рулон туалетной бумаги не жалко

отдать полцарства. Хотя где его взять?

Тем временем к тишине стал примешиваться какой-то размеренный гул. Как будто к голове приложили невидимую раковину. Ритмичное шарканье убаюкивало, я стал клевать носом, перестроившись на автоматическое следование за целью. Пока наконец не уткнулся носом в жесткую спину. Сверху недовольно проворчали, я различил свое имя, но больше ничего не понял. Потерев от боли нос, как всегда страдающий первым, выглянул из-под мышки Трока и разинул рот.

За невеселыми мыслями я и не заметил, как воздух совсем посвежел, запахло солью. Теперь мне стало понятно, почему мы остановились. Подземелье резко обрывалось маленькой смотровой площадкой естественного происхождения, откуда открывался ошеломляющий вид на море. Казалось бы, дальше удивляться было некуда: откуда в столице море?! Но совсем не играющие кудрявыми шапками гребни привели меня в оторопь.

Несомненно, снаружи был вечер. Я подслеповато щурился – даже вечерний солнечный свет выдавливал обильные слезы из глаз, заставляя изо всех сил размазывать соленую влагу по всему лицу. Метрах в тридцати внизу вверх на скалы неторопливо карабкались волны, разбиваясь на янтарные клочья пены. Бескрайняя водная гладь уходила за горизонт, а я не мог оторвать взгляд от торопящегося ко сну светила. Солнце почти спряталось за горизонтом, пряча от нас свой

пламенный взор. И было оно оранжевым с едва заметным зеленоватым отливом...

Глава 3

Одно из самых удаленных ответвлений шахты, в котором я впервые открыл глаза в мире чужого солнца, практически стал мне домом. Ну или комнатой – для дома маловат размер, нет окон и отсутствовала входная дверь. Я, как мог, расчистил пол от мелких осколков, крупные волокном оттащил к стенам. Из камней соорудил лежанку, набросав сверху более-менее чистую ветошь, какую смог найти, так что теперь здесь можно было находиться с некоторой долей комфорта.

Разговор с вождем закончился без неожиданностей, в своем обычном ключе, мне в очередной раз продемонстрировали, кто в доме хозяин, и навязчиво указали на мое место. Раздражение здоровяка, если и было поначалу наигранным, то под занавес он нешуточно распалился, брызгая слюной и размахивая длинными, как у шимпанзе, руками.

Впрочем, кричи не кричи – улучшению коммуникаций повышение голоса и физические воздействия никак не способствовали. Я, хоть убей, не понимал ни слова. Мое искреннее желание понять, чего от меня хотят, и внимание, с которым я вслушивался в незнакомую речь, в конце концов разозлили его ещё больше. Скорее всего, он решил, что над ним

потешаются, а мои попытки хоть что-то понять были приняты за простое гримасничество.

Я заметил, что над вождем во время его вдохновенного монолога периодически подрагивал воздух, но, что бы это могло быть, в полумраке не разобрать.

В конце концов он плюнул в мою сторону и что-то буркнул одному из тех, кто стоял рядом. Незнакомец спокойно внимал его гневу и пристально, не стесняясь, меня разглядывал. На всякий случай я всмотрелся в пространство и над ним, но длинный стоял слишком неудачно, его голова сливалась с темнотой в куполе зала. Казалось, он нависал надо мной, как утес, возвышаясь на голову даже над хозяином помещения.

Мне совсем не понравились его глаза: черные провалы выделялись на темно-сером лице, и даже полумрак не скрывал чётко очерченных линий. Словно они жили отдельно от смазанного тьмой тела и смотрелись на голове чужеродным организмом, который сегодня выбрал это лицо, а завтра окажется на другом. Незнакомец кивнул в ответ на требовательный возглас, но и не подумал отводить взгляд. Мне подавно не пришлось по вкусу то удовлетворение, с которым он ощупывал мое тело глазами. Так можно выбирать свиную ногу на рынке или прикидывать, поспела ли вон та дыня, или продавцу просто нужно побыстрее от нее избавиться.

Он дослушал Ксара – так звали вождя – и ещё раз неторопливо кивнул. Мне невольно захотелось передернуть плечами, как будто так я мог сбросить его навязчивое внимание.

Не обошлось и без привычного рукоприкладства. Раздражение сегодня упало на благодатную почву, и мне отвесили двойную или даже тройную порцию и отправили восвояси. Почему-то ни у кого, кроме меня, не было сомнений, что после перенесенных побоев, я своими силами доберусь до своего угла. С другой стороны, я давно убедился, что помогать ближнему здесь не принято. Желание оказать помощь как минимум настораживает. Как максимум, говорит о том, что им от вас что-то нужно, а ваше согласие, как раз наоборот, вовсе необязательно. К счастью, бывшего хозяина этого тела считали юродивым и старались держаться от него подальше. Это давало мне некоторые преимущества. Впрочем, сомневаюсь, что они являются действенной гарантией, если им будет выгодна моя смерть.

Обратная дорога то и дело подсовывала под ноги осколки камней, норовя зацепить побольнее. Я привычно перебирал ногами, стараясь не потревожить отбитые до баклажанного цвета конечности. Сегодня синяков до неприличия много. Встану ли я завтра? Никто ведь не будет разбираться, почему я пренебрегаю своими обязанностями. Не пришел – получи! Плохо ещё и то, что, если не принесешь минимальную порцию улиток, не получишь еды. А мне и так доставалось меньше всех остальных. Все это тревожило, но сейчас мои мысли крутились вокруг иных вещей.

Какие последствия будет иметь сегодняшний разговор?

Почему незнакомец улыбался и почему так беспокойно на душе? Что сказал ему вождь и зачем он провожал меня взглядом? Несмотря на сильную боль в отбитом теле, эти мысли не давали покоя. Что ему от меня понадобилось?

Нужно разложить все по полочкам и систематизировать то небольшое, что удалось выяснить.

Я здесь уже месяц, если верить моим подсчётам. Наравне со всеми собираю еду – улиток, которые питаются светящимся мхом, перебираю камни в заброшенных коридорах, непонятно зачем и для кого. Не самая лёгкая работа в моей жизни: твой улов меньше положенного – значит, сегодня еды не будет. Не выполнен план по разбору камней – воды будет ровно столько, чтобы не умереть от жажды.

Все чаще хотелось кричать или наброситься на подручных вождя и будь что будет, но я из последних сил держал себя в руках. Главное, сохранять спокойствие и не терять остатки рассудка – психопаты умирают в первых рядах. А в текущем положении жизнь и смерть подступили слишком близко друг к другу.

Все тело скрипело, будто несмазанная телега. Если бы не темнота, я уверен, нашлось бы не много мест на теле, не носивших отметины регулярных экзекуций. О себе в такие моменты я думал как о побитой переспевшей сливе – такой же мятый и фиолетовый. Спасибо темноте, которая скрывала все последствия, но не могла повлиять на мое состояние. И все же, здоровье – это последнее, о чем я постоянно думал в

то время, когда сознание прояснялось.

Итак, самое правдоподобное объяснение всему, что сейчас происходит: я все-таки заполучил квест всей моей жизни. Мне всучили новый мир, новые возможности и новую жизнь, причём ничего из перечисленного я не просил. Только кого волнуют чужие проблемы? Дали – пользуйся и наслаждайся.

Я осторожно вздохнул: где-то в правой части груди поселилась боль, мешая полноценно дышать, и приходилось втягивать воздух, как холодное молоко в детстве, – маленькими глотками. Видимо, что-то с ребром, не повезло заработать трещину или, чего доброго, перелом. Травма в местном обществе почти наверняка вела к необратимым последствиям. Для самого слабого члена этого общества возможность плачевного исхода повышалась многократно. И наиболее вероятный вариант – смерть от истощения: если ты не приносишь пользу, зачем тебе давать пищу?

Думал ли я о том, что все происходящее сон? Как ни странно, такие мысли почти не посещали меня. Привычка принимать все, что происходит, в том виде, в котором оно существует, сформировалась у меня давным-давно. Но если зеленоватое солнце – дело рук Васи, то я лично прослежу, чтобы ему досталась Нобелевская премия. Или еще какая-нибудь, лишь бы происходящее как можно быстрее закончилось.

Вместе с этим я прекрасно понимал, что просто так отка-

тывать обратно никто ничего не будет. Если чья-то воля и умение распорядились моей судьбой таким образом, значит, существует причина, о которой я могу даже не подозревать, но незнание законов не освобождает, так сказать, от ответственности. Для чего-то же я сюда попал. И я искренне надеялся, что не для того, чтобы служить боксерской грушей для всего племени или стать чемпионом по сбору улиток. Тем более с моими физическими кондициями о чемпионских регалиях лучше даже не думать.

Удивительно другое – почему именно мне досталась такая честь? Я, в отличие от охранника Коли, который постоянно мусолил чтиво про попаданцев, никогда не брал в руки эту чушь, вроде приключений «наши там», а в итоге именно мне придется испытать все на своей шкуре.

Самое же паршивое заключается в том, что сюда попало только мое сознание, а физическая оболочка осталась там. Что будет с моим телом, когда я вернусь? Или обратного хода все-таки не будет? Возможно, сознание этого Иана отправилось в мой мир в отпуск по обмену. В мое тело. Мне страшно представить, что его ждёт. И я боюсь помыслить, что он может там натворить, – есть вероятность, что, когда у меня появится возможность отыграть все назад, мне просто некуда будет вернуться.

А ещё до слез обидно, что некто, обладающий высшим разумом, назовем этого шутника с большой буквы «Ш» тоже Васей, позаботился о том, чтобы я сполна испил горькую, и

преподнёс мне сюрприз в виде этого тела. Как будто поблизости не нашлось ничего получше, если уж так необходимо именно мое участие в мероприятии. И даже в этом случае, мне хотелось надеяться, что я попал в этот переплет по воле именно таких сил, а не по прихоти случая.

Когда я задумываюсь о том, что в зеркале отныне не увижу привычных черт, что оттуда на меня будет смотреть совершенно незнакомый мне человек, мне становится не по себе. Одно дело, смотреть в кино, как человек просыпается в чужом теле, другое – не просто представить себя на его месте, а очутиться на нем.

После памятного первого удара, который сбил меня с ног, все происходило настолько быстро, что я не обратил внимания на свой изменившийся голос. А кто будет об этом задумываться, когда тебе дали по морде?

Зато вторая фраза, сказанная мной в этом мире, поставила в тупик. Вы не обращаете внимания на свой голос, пока он действительно ваш. И даже когда охрипнешь, или си-пишь после простуды, как пробитый котел, все равно у тебя не возникнет сомнений, что голос принадлежит тебе. Этот моим не был. Я почувствовал, что все встаёт на свои места: и ощущение, будто испытываешь легкое недомогание, когда ты вроде бы и здоров, но что-то не так, и угол зрения – я прежний намного выше.

Тот, другой, был явно моложе. Таким голосом говорят, когда тебе шестнадцать и ты стараешься выглядеть старше, чем

на самом деле. Столько мне было семь лет назад.

Я взглянул на руки и вздохнул: не мои. Кисти заметно тоньше, пальцы длиннее и изящнее. Если, конечно, смыть с них грязь, привести в порядок обломанные ногти и вообще как-то облагородить.

А еще меня беспокоила спина. Опытным путем я выяснил, что не могу лежать ровно. Лицом вниз – пожалуйста, на левом или правом боку – да ради бога. Если бы у меня было зеркало... Чего мечтать о несбыточном? Его тут не было, поэтому все приходилось выяснять известным всем нам методом. Так я обнаружил, что одна моя нога короче другой, хоть и не очень сильно, самая удобная позиция для головы – глаза в пол. Задрать ее вверх у меня не получается совершенно, и, когда я стою напротив человека, мне приходится носом утыкаться в грудь собеседнику. К счастью, здесь их не много.

Если сложить два и два, то можно сделать вывод, что от прежнего владельца тела мне достались проблемы с осанкой. А если не играть словами, то я уверен, что на спине у пацана был горб размером с рюкзак первоклашки. И теперь этот довесок достался мне вместе с его телом, а у меня такое чувство, будто купил квартиру с обременением.

Так что разрешите представиться: меня зовут Иан, я небольшого роста, у меня горб, мне вряд ли стать тяжелоатлетом, бегать могу не быстрее утки, а ко всему прочему от меня воняет, как от выгребной ямы. Вроде бы все. Хотя сто-

ит добавить, что ко всем остальным проблемам, мне достался еще и языковой барьер. Я ни черта не понимаю, что мне говорят, и это сулит мне множество неприятностей к тому набору, что уже есть.

Ну что за несправедливость в конце-то концов? Почему в той единственной книге, которую я читал, главный герой сразу говорит на всех языках, да ко всему прочему еще и обладает способностями к магии? Где все это? Почему мне досталось тело инвалида? Эй, где моя флешка с языком и памятью этого Иана?! Куда подевался бластер? Дайте хотя бы дракона!

Я прислушался к себе и расфокусировал зрение. Хотя что-нибудь особенное во мне должно быть? Медитировать я не умел и никаких магических линий не видел. Интересно, а здесь вообще есть магия? Или это техногенный мир и в ходу квантовые компьютеры и звездолеты в комплекте со звездой смерти. Оба варианта не исключали наличие таких крысиных гнезд, где люди рождаются, живут и умирают, не выходя из состояния животных. Эх, спросить бы у кого, да все, что я знал, это слова «подойди» да «пошел вон». С этими мыслями я и заснул, добравшись до своего каменного ложа.

Глава 4

Какие тут у всех отвратительные привычки: меня бесцеремонно скинули на пол. Спросонья не разобрав, что проис-

ходит, и, пытаясь подняться, я получил зуботычину и снова растянулся на полу, больно ударившись о груды камней, которые сам же недавно сложил у стены.

Надо мной стоял тот самый безымянный верзила, новенький, с которым о чем-то сговаривался наш вожак. Видимо, он один из тех, кто приезжает к нему за товаром. Взгляд незнакомца не предвещал ничего хорошего. Все мои чувства сигнализировали о том, что он получает удовлетворение от того, что мне приходится валяться перед ним совершенно беспомощным. Даже в темноте всем своим существом он излучал жестокость и злорадство. Вот они, те самые неприятности, о которых твердила мне интуиция.

– Вставай! – заорал он, пиная меня в бок. Слава богу, до ботинок он не дорос, как и все здешние обитатели. Мой мучитель щеголял голыми пятками, поэтому удар вышел не очень сильным или мне так показалось в сравнении с копытами нашего достойнейшего вождя. Впрочем, ноги незнакомца по твердости напоминали костыли, поэтому он пускал их в ход при малейшей возможности.

Мои отбитые внутренности протестующе взвыли. Будет здесь хоть один человек слабее меня, или мне вечно получать оплеухи?

Незнакомец крикнул что-то еще, но я лишь растерянно замотал головой, показывая, что не понимаю ни слова. Он разразился невразумительной бранью, пинками помогая мне подняться.

Кое-как мне удалось встать на ноги, я уперся носом в его широкую грудь и с удивлением обнаружил, что рубашка, в которую одет незнакомец, сделана из кожи, а не из привычной мне грубой ткани. Ого! Что-то новенькое! Несмотря на происходящее, у меня почему-то вдруг начало подниматься настроение – нестандартное начало дня сулило изменения в жизни, хоть пока и непонятно, в какую сторону. Впрочем, хуже, чем сейчас, сложно себе представить.

Я все еще не до конца проснулся, поэтому не очень уверенно стоял на ногах и пытался сдерживать улыбку, искривившую лицо. Глупо ожидать что-то хорошее, но я ничего не мог с собой поделать – надежда по капле покидала меня, и даже пугающий и жестокий верзила сейчас казался мне избавителем. Предчувствие, что жизнь делает очередной поворот, в котором появление незнакомца играет немаловажную роль, перерастало в уверенность.

Меня грубо развернули и толчком указали направление. Изображать стойкого оловянного солдатика пришлось совсем недолго, верзила как будто бы и не почувствовал мое сопротивление, ещё раз подталкивая в спину.

– Иди-иди! – услышал я более-менее знакомые слова, поторапливаясь.

Чтобы бежать впереди паровоза, не нужно знать слишком уж много слов. Моего скромного словарного запаса хватало, чтобы выполнять обязанности «поди – подай – принеси». Чего уж говорить про игру в арестанта и конвоира. При этом

недостаток слов всегда можно восполнить тычком или пинком по зад.

Так мы дошли до развилки, где повернули направо. Вместо рулевого колеса вполне подошла добрая оплеуха, от которой я оглох на одно ухо на несколько минут. Ответить я все равно бы не смог, поэтому привычно затаил обиду и занес еще одного в чёрный список.

Что-то новенькое! Вообще досадно, что непонятно ни слова из того, что говорит мой провожатый. Похоже, он наконец осознал, что говорить со мной бесполезно, потому окончательно замолчал, предпочитая обходиться жестами или тычками – универсальным языком всех конвойных.

С языковым барьером нужно что-то делать. Язык – это оружие, с которым я управлялся довольно неплохо в той, другой жизни. Глядишь, и удалось бы договориться с этим человеком. Не дело оставаться глухим и немым в тылу врага. А тут, похоже, с друзьями у меня неважно.

Мы прошли еще четыре развилки и на пятой повернули налево, затем уклон явно пошел вверх. Туннели здесь делились гораздо чаще и вскоре я уже перестал пытаться запомнить, куда и сколько раз мы свернули. Еще через некоторое время провожатый потянул меня за руку, и мы очутились в узком коридоре, который и вывел нас наружу. Так я второй раз оказался за пределами темных и мрачных каменных туннелей, только на этот раз никакого моря не было и в помине.

Солнце только вошло в свою силу, день был в самом разгаре. Не думал, что всего месяц, проведенный в полумраке, настолько повлияет зрение, что даже с закрытыми глазами свет приносит физическую боль. Лучи солнца, казалось, ввинчиваются в мозг, как будто в глаза погружались раскаленные добела иглы. Я молча страдал, спотыкаясь на ровном месте, пока не догадался плотно закрыть руками слезящиеся глаза.

К солнцу опять пришлось привыкать, а зелёного этот шарик оттенка или желтого роли не играло. А спутнику, похоже, свет ничуть не мешал. Он довольно быстро освоился и управлял мной, как опытный погонщик коровой. Слепой коровой, если быть точным. Аналогия мне не слишком нравилась – коров водят не только на выпас, но и в менее приятные места.

Мы выбрались из подземелья в глубоком овраге, и, продравшись сквозь заросли густо разросшегося на склоне кустарника, уткнулись в обвивавшую овраг дорогу. Выход из подземелья скрывался где-то там, внизу, и, если бы мне пришлось искать его самому, я не нашел бы это место, даже если бы знал, что оно находится именно тут. Идеальная маскировка.

Меня в очередной раз подтолкнули в нужном направлении, но как-то совсем беззлобно, без малейшего намека на раздражение. Что бы это могло значить? Что-то изменилось? Возможно, мой спутник не так уж и уверенно чувствовал се-

бя в мире зеленого сумрака и смрадного, затхлого воздуха и вымещал свой страх и неуверенность на мне? Не доверял нашему вожаку? Вполне вероятно – я бы тоже оглядывался, зная, что полностью в его власти.

Мой конвоир заметно повеселел, на лице у него блуждала еле заметная улыбка, и время от времени до меня долетала веселая мелодия, которую он насвистывал, бодро вышагивая за моей спиной. Все это я успел разглядеть, на секунду приоткрывая глаза, – чтобы не оказаться совсем уж слепой скотиной, я обнаружил способ, который позволил оставаться в курсе происходящего.

Для моего спутника дорога оказалась привычным, знакомым местом – слишком уверенно и без опаски он вышагивал следом. Когда глаза чуть-чуть привыкли к окружающему буйству яркости, мне пришлось признать очевидное: она ничем особенным не выделялась от сотен и тысяч своих проселочных сестер на Земле: обычная утоптанная земля, поросшая чахлой травой, по такой в сельской местности проезжают машины, снуют дачники на велосипедах и семят старушки с колясками.

Солнце отчетливо уходило в зеленоватый спектр, а на окружающем мире эта единственная на сегодняшний день странность никак не сказывалась: люди оставались людьми, трава – травой, бедные – людьми, которым нужно думать о пропитании и крове над головой, а не как сделать селфи покруче. Да и вообще, если бы не этот проклятый оттенок, я

бы усомнился, что меня забросило куда-то дальше пары сотен километров от города. Если бы не зелёный цвет и тело, в котором я оказался.

Всё-таки, куда же меня занесло: мир меча и магии или плазменных пушек и анабиозных камер? Задрал голову, насколько возможно, я так и не увидел следа от летающих аппаратов. Обычное синее небо и облака, медленно переползающие с места на место.

Впрочем, отсутствие техногенных следов ещё ни о чем не говорило: Гендальф мимо тоже не проезжал, не пробегали хоббиты, не встречались и рыцари, с головы до ног закованные в железо, верхом на конях с налитыми кровью глазами. Ничего этого не было, а потому можно строить предположения дальше: что было бы для меня предпочтительнее: мужики с мечами или они же с бластерами.

Интересно, а можно вообще без того и другого? Поколдуйте назад, господа. Чего вам стоит?

Постепенно и мне передалось настроение моего невольного попутчика. А что? Меня не бьют, не пинают и не орут почему зря. Мне не нужно плестись в самые дальние штреки и пытаться в очередной раз собрать минимальную норму, чтобы после работы не остаться голодным. Вам приходилось драться из-за добычи, заранее зная исход? Я не приучен сдаваться без боя, но предопределённость душит лучше любой депрессии. Плохо быть самым слабым: на тебе отыгры-

вається любов'ю, а ти не можеш достойно відповідати.

А ще я, оказується, дуже соскучився по сонцю, по чистому повітрю, по ощущенню безкрайньої глибини над головою. Думаєте, два п'ятьдесят – це мало? Поживіть, коли стіла в півтора метрах, і ваша квартира покажеться вам дворцом. Мені жепришлось особливо тяжко, іншим раз чудилось, що моя життя тепер протікає в яких-то крисинних норах.

Я все далі удалявся від темноти підземелья, крадущого у людей надіжду і перетворюючого їх життя во мрак, від тяжкості каменного стіла, лишаючого їх волі і отучаючого від почуття свободи краще любих кандалів, і серце моє заходило від щасття. Що би ні стало, повернення не состоится. Пусть мені суджено остаться уродливим карликом, но я хочу видеть небо, дышать полной грудью.

Не знаю, сколько прошло времени с тех пор, как мы выбрались из оврага, а мой желудок, которому в последнее время досталось, точнее сказать, не доставалось, однозначно твердил о том, что пора задуматься о привале.

Часов, конечно, не хватало. В темноте время течет по-своему, размеренное, не имеющее смысла существование вполне может обходиться без его подсчета и определения. Когда некуда торопиться и некуда успевать, когда все твои действия зависят не от тебя, о времени не задумываешься. Дали вздремнуть – хорошо, покормили – замечательно, привы-

каешь к животной размеренности. Наверное, так чувствует себя корова: утром на пастбище, вечером – загон. Зачем ей часы?

Стоило же режиму лишь капельку измениться, как внутри меня грубая волна непокорной радости пошла ломать переборки размеренности. И первое, что потребовалось – ощущение времени. Я опять опаздывал, бежал вперед, слишком много шел без обеда. Мне даже хотелось по-мальчишечьи пуститься вприпрыжку, до того распрямилась сжатая внутри пружина, а в голове набатом гудела мысль: дальше, дальше, дальше!

Несмотря на полное отсутствие практики дальних переходов у прежнего хозяина тела, я чувствовал себя сносно. Паратройка часов бодрым шагом, вопреки моим опасениям, не заставила валиться с ног от усталости, а лишь добавила «утиных» вихляний в походку, и все больше хотелось пить.

– Иан? – окрик заставил меня притормозить. Мой конвоир задумчиво разглядывал что-то у меня за спиной.

Может, все-таки, привал, костер и еда? Что у жителей с поверхности может быть на обед? Надеюсь, тут едят что-то отличное от моего обычного рациона: улитки на завтрак, обед и ужин.

Неожиданная остановка, наконец, позволила рассмотреть моего спутника. В темноте деталей не разобрать – все гладкое, мрачное, смазанное, без четких очертаний. Свет, который я так люблю, добавил деталей, раскрыл границы. Я убе-

дился, что громила, как был великаном, так им и остался. Почти под два метра, не коренастый, а, скорее, ширококостный и жилистый человек лет тридцати. Крупное лицо, на котором природа небрежно раскидала рот, нос и глаза. Складывалось ощущение, что все это собрано от разных людей, настолько все не сочеталось и казалось, что как-то криво налеплено.

Одежда на нем сидела ничуть не лучше: кожаная безрукавка на голое тело и кожаные же штаны, словно были скроены на ещё более крупное тело, сшиты небрежно, на скорую руку из множества мелких кусочков, так что громила напоминал Франкенштейна.

Зачем же я ему понадобился? Или наш мудрый вождь спихнул меня за долги? Тогда мой спутник либо не силен в торговле, либо долг оказался не слишком существенным.

Кожаный, как я его окрестил в уме, что-то сказал, но я не расслышал ни одного знакомого слова из того куцега запаса, что удалось почерпнуть за месяц. Я отрицательно мотнул головой, показывая, что не понимаю, Тот досадливо поморщился.

Нужно учить язык! Но как это сделать, если нет ни репетитора, ни денег на оного? Да и не до репетиторов мне сейчас – ещё неизвестно, куда заведет меня эта дорога.

Чужие долги меня не касались, а о собственной жизни стоило задуматься всерьёз. Какая бы причина ни подтолкнула моего спутника к тому, чтобы забрать меня с собой,

людовой альтруизм – это последнее, во что я верил. Даже если мне не понять его выгоды, она точно есть, не полный же он идиот? А значит, Кожаный явно строит на меня планы. Самое простое: купил-продал, тут много ума не надо. Можно ещё приспособить к какому-то делу или, на худой конец, сдать в аренду. Последний вариант мне совсем не нравился, хотя и первый не слишком был по душе. Я ничего не знаю про здешние обычаи и нравы в обществе, но я рос среди людей, которые могли позволить себе практически все, а потому не строил иллюзий.

Все вышеперечисленное говорило лишь об одном: я получил передышку, но ни на миллиметр не приблизился к решению проблемы своей дальнейшей судьбы. А потому следовало как можно скорее приступить к разработке плана и приведению его в действие. И первое, что я наметил, – любыми способами избавиться от своего спутника. Убийство я, естественно, не рассматривал, целиком сосредоточившись на побеге.

Останавливало от немедленной реализации плана только две вещи: во-первых, я не знал, куда мне идти, но с этим можно было смириться, во-вторых, я не очень хорошо себе представлял, каким образом смогу от него слинять.

Кожаный чувствовал себя вполне уверенно, а, следовательно, знал местность гораздо лучше меня. Мне нужно было получить хоть какую-то фору, а мы на дороге одни, и с меня не спускают глаз. И главное, следует принимать во вни-

мание наши физические кондиции: сможет ли утка в лесу убежать от волка? Если взлетит, без малейших сомнений. А если она просто не умеет летать?

Поэтому мне с тяжёлым сердцем пришлось признать, что с побегом и свободой придётся повременить. До первого подходящего случая. А до тех пор вести себя тише воды ниже травы, чтобы лишний раз не злить великана. Моя покладистость может дать лишний шанс для побега, усыпив его бдительность. Только бы не проворонить эту возможность.

Еще этот языковой барьер. Почему бы при перемещении не позаботиться об этом вопросе? Насколько же проще оказалось мое существование, если бы я с самого начала умел понимать и говорить на местном наречии. Но как-то же раньше учили языки? Ну-ка, попробуем дедовский способ!

Я бухнул себя кулаком в грудь.

– Иан! – бодро заявил я и ткнул пальцем в Кожаного.

Мне пришлось несколько раз повторить действия, пока до него ни дошел смысл.

– Храст. – Кожаный хмыкнул и тоже постучал кулаком себя в грудь, затем произнёс что-то еще. Я опять покачал головой, на что получил молчаливое повеление продолжать путь.

Не повезло. У моего конвоира слишком мало терпения и, надо признать, не слишком много ума, чтобы он взял на себя роль моего учителя. Попытка первого контакта не удалась, хотя теперь мне хотя бы известно его имя.

Будет ли с этого толк? Стоит еще раз посоветовать о гугл-переводчике?

Дорога пролегла между невысокими зелеными холмами, изредка их перечеркивали рощицы небольших деревьев, по которым я бы точно не смог определить, Земля это или нет. Да-да, несмотря ни на что, я все ещё пытался найти приметы, которые смогут подтвердить или опровергнуть версию перемещения в другой мир. Так как ничего, кроме растительности вокруг не было, приходилось довольствоваться тем немногим, что я помню из школьной ботаники.

Спустя непродолжительное время я сдался, моих знаний хватало на то, чтобы признать дерево деревом, а какие у него там тычинки-пестики, я понятия не имел и смог бы отличить максимум сосну от березы.

Глава 5

Все-таки и моей выносливости есть предел. Мой шаг все больше напоминал перетоптывание пингвина, дыхание сбилось, руки-ноги налились свинцом и потяжелели. Скакать уже не то, чтобы не хотелось, скорее я просто выкинул из головы мысли об этой причуде. Окружающий мир сузился до одной колеи, поросшей узкой, шершавой травой, которая последние полчаса принялась ловить меня за ноги. Чтобы не остановиться от усталости, я стал считать шаги, но уже раз

двадцать приходилось начинать сначала, иначе длина слова даже мысленно превышала время моего шага.

По пути нам так и не попалось ни одного человека, ни на машине, ни без, точно так же обошлось и без рыцарей с самолетами в придачу, хотя наверх я уже не смотрел – не было сил. Дорога была девственно пуста, лишь пернатые озорники сопровождали нашу компанию веселым криком. Храст и не думал останавливаться, хотя я некоторое время назад начал недвусмысленно на него оглядываться.

Наконец, бледно-желтая петля дороги скрылась за соседним холмом, а оттуда темно-зеленой косой выглянул лес. Мой попутчик, а, скорее уж, конвоир, указал на него рукой, добавив одно слово вслух.

– Лес? – повторил я, полагая, что речь шла именно о нем. Храст кивнул и пошёл дальше впереди меня. Я в который уж раз подметил, что в нем больше не чувствовалось враждебности. Читались лишь ожидание и облегчение, это даже придало мне немного сил.

По моим прикидкам, до леса оставалось ещё чуть меньше километра. Мелочь по сравнению с тем, что мы уже отмахали, и невообразимое расстояние для того, кому приходилось в день преодолевать не более пятисот метров. Во всяком случае на моем коротком веку.

Удивительно, моих сил хватило совершить и этот героический поступок – темно-зеленая монолитная стена росла на глазах. Мне кажется, когда наши ноги коснулись тени от са-

мых высоких деревьев, лежавшей на нашем пути, я услышал не только свой облегченный вздох: солнце припекало немилосердно, придавливая к земле размякшие на жаре тела и медленно текущие мысли.

Лесная прохлада вдохнула жизнь в мое измученное тело, несмотря на не слишком приятные воспоминания: последний лесной поход в десятом классе закончился грустно, как для учеников, так и для их преподавателей. Вместо обещанного костра, печеной картошки и сочных шашлыков мы получили проливной дождь, оголодавших комаров и воспаление легких у троих особенно удачливых путешественников. Школа ещё долго мусолила наше приключение во всех подробностях.

Воспоминания выдавили у меня унылую улыбку – надеюсь, сегодня повезет больше.

Я заметил, что Храст совсем сбавил темп, так что мне без труда удавалось за ним поспевать. Дорога жила своей жизнью, петляя из стороны в сторону, прячась за раскидистыми кустами и стволами деревьев. Кое-где плотно утоптанная земля совсем заросла высокой травой – видно, дорогой почти не пользовались. Ветви деревьев нависали настолько низко, что даже мне не нужно было поднимать голову, чтобы до них дотянуться. Иногда даже приходилось идти согнувшись, чтобы не получить по лицу особенно назойливой веткой.

Я успевал разглядывать листву, снова пытаюсь понять, отличаются ли деревья от того, что я помню. Сколько бы я ни старался, сколько ни напрягал память, смотреть было особо не на что: меня окружали обычные клены, дубы и березы – опять ни малейшего намека на другую планету. Нигде не видно ползающих лиан или плетящихся корней. В душе снова заворочался червячок сомнений: а может, все-таки Земля? Могли ведь меня чем-нибудь накачать? Подсунули что-то в еду, и вот тебе зеленое солнышко, горб за спиной и улитки на обед. Меня захватили размышления, поэтому я не заметил, как в руке моего спутника возник нож.

Если бы у меня были тормоза, они бы сейчас пронзительно завизжали. Мне стало не по себе при виде оружия. Храст перехватил мой опасливый взгляд, брошенный на руку с ножом, но не обратил на него внимания. Он что-то пристально высматривал среди деревьев.

Стоило проследить за его взглядом, как в ту же секунду с легким стуком у моих ног в землю воткнулась стрела. Мое сердце сорвалось в галоп, заставляя озираться в поисках угрозы. Впервые в жизни я мог честно признаться, что мне страшно. Какая, к черту, Земля?! Стрела – это средневековье, средневековье – это разбойники, а эти ребята, по слухам, с одинокими путниками не церемонились. Полтора человека почти от одиночки не отличаются.

Мой затравленный взгляд можно было принять за желание подороже продать свою жизнь, но, на дороге по-прежнему

му никого, кроме нас, не было. Мысли неслись вскачь. Бежать, пока не поздно? Я бросил взгляд на своего спутника. Вдруг от меня ускользнул его знак, и сейчас он бросится наутек?!

Впрочем, на свой счёт я особо не обольщался. Храст, возможно, и убежит, мне же с моей подвижностью подобный вариант точно не светит. Но тот вдруг совсем успокоился, стоял ровно, и усмешка гуляла по его жестким губам. Он словно ждал этого знака.

– Храст? – прозвучало откуда-то сверху. Так высоко поднять голову мне нечего было и думать. Увидеть говорившего я смог бы только в том случае, если бы лег на землю. Глупостями заниматься совсем не хотелось, поэтому я остался стоять в той же позе, в которой меня застала неожиданно прозвучавшая речь. Про себя я вздохнул, в очередной раз пожелав неизвестному Васе, сломать шею, когда он будет спускаться по ступенькам своего божественного дворца, – ну почему именно хромой горбун?!

Мой спутник тем временем кому-то махнул рукой, я услышал ещё одну фразу, и на дорогу высыпало пять человек. Нас окружили люди в кожаных одеждах, у двоих в руках были луки, с которых они неторопливо снимали тетиву. Ещё двое радостно хлопали по спине моего спутника, а я обратил внимание, что на поясах у обоих торчали рукояти ножей. Один из пятерых, державшийся поодаль и вовсе держал руку на рукояти меча!

Я шархнулся в сторону. Человек с мечом недоуменно посмотрел на меня, затем перевел взгляд на моего спутника – в его глазах читался вопрос. Храст поначалу напрягся, но, заметив мою реакцию, засмеялся, а мне стало неловко, – похоже, тут все свои. На меня ещё пару минут криво косились, а затем и вовсе забыли.

А уже через минуту на дороге никого не осталось. За нами сомкнулись ворота зеленого царства, и мы растворились в безбрежном шелестящем океане. Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за очередным вывертом капризной судьбы.

Первым шёл дядька с мечом, негромко переговариваясь с моим провожатым, Храст вполголоса ему отвечал. Иногда я слышал смех то одного, то другого. Еще трое из отряда бесшумными тенями скользили следом. Я пыхтел предпоследним, и сразу становилось понятно, что в лесу в нынешнем облики мне делать нечего. Даже ходить за грибами. Иан, если и бывал в лесу раньше, то делал это нечасто. Обо мне и говорить нечего – я зверь из бетонных джунглей.

Спотыкаясь очередной раз, я чувствовал немалое раздражение парня, замыкающего нашу процессию. Юноша на вид примерно моего возраста, изо всех сил старался копировать манеры старших товарищей. В такие моменты он изрядно сопел, – похоже, ему велели за мной присматривать, и это ему не слишком-то нравилось. Остальные же меня просто не

замечали.

Мои старания идти по лесу как можно аккуратнее пропадали зря – так получалось даже хуже. Кроме того, проделанная дорога, нервное напряжение, ни крошки во рту со вчерашнего дня и условно благополучное завершение путешествия – все это окончательно меня доконало. Сила воли – единственное, что еще держало меня на ногах. К тому же я крутил в голове основные логистические правила: скорость колонны равняется скорости самой медленной ее единицы, а в боевых условиях от таковых избавляются. К счастью для меня, мы присоединились к отряду в мирное время.

Когда мне было уже все равно, прирежут меня или я умру от перенапряжения, чаша распахнулась, и мы вышли на довольно приличных размеров поляну. Пошатываясь, я с трудом огляделся вокруг, кровь так сильно стучала в ушах, что, казалось, сердце порвет перепонки. Черт, да лучше спортзал и тренер Серега по прозвищу Садист, чем повторить этот безумный марш-бросок!

Все ещё пребывая в трансе, я, словно сомнамбула, захромал к ближайшему костру и со стоном повалился на землю. Загоняли сивку крутые горки. Словно сквозь марево, до меня донесся смех сразу нескольких человек. Ну и пусть себе ржут! Дыхание с хрипом вырывалось из легких, в голове бил набат, а в спину словно воткнули раскаленную спицу. Что мне какой-то смех?

В ногах потрескивали дрова, жар от костра накатывал упругими волнами. Наконец-то никуда не надо идти, мне было хорошо от одной мысли, что можно закрыть глаза и подставить лицо легким касаниям лесной прохлады. Сила воли, толкавшая меня вперед последние несколько часов, растворилась словно вода в песке, оставив безвольный остов из костей и мяса. Из меня как будто вынули стержень, скрепляющий вместе отдельные части, и теперь я боялся пошевелиться, чтобы все это не рассыпалось в прах.

Рядом остановилась чья-то тень. Сил не было даже для того, чтобы насторожиться, и я, как ребенок, решил не открывать глаз. Меня нет, я спрятался, если мне вас не видно, значит, быстрее проходите мимо. Разве вам не известны правила?

Чужое присутствие не пугало, а, скорее, вызывало досаду – так мы реагируем на присутствие комара в тёмной комнате: пищит в темноте, не кусает, но хочется взять газету и показать стервцу, на чью кровь он покушается. Пальцев коснулось что-то теплое и гладкое, вызывающее желание обхватить, задержать у себя. Что бы это могло быть?

В следующую секунду мои ноздри затрепетали, как простыня в руках горничной, а по телу прокатилась сладостная волна – аромат, ударивший в нос с силой бревна, разбивающего ворота в замке, возвестил о появлении того, что, словно эликсир жизни, вдохнет силу в мое измученное тело. Еда. Одно ее присутствие прошло живительной волной, паль-

цы судорожно стиснулись, вырывая у призрака кусочек его тепла.

Дайте мне точку опоры, и я переверну землю, сказал когда-то Архимед. Ерунда! Дайте голодному еды вдоволь, и он возлюбит весь мир, что, согласитесь, гораздо труднее. Правда, это чувство вряд ли долго продержится, потому что мы редко испытываем чувство меры.

До мира мне не было никакого дела. Счастье сосредоточилось прямо в моих руках, обжигало язык, таяло во рту, и я готов был драться с кем угодно, чтобы продлить это ни с чем не сравнимое ощущение горячей пищи. Похлебка и без всякого мяса восхитительно пахла, все больше разжигая мой аппетит. С каждой ложкой, с каждым глотком меня наполняло силой. Краски возвращались в окружающий мир, а вместе с ними пришли звуки и люди.

Глава 6

Я что и правда потерял сознание? Ишь чего горячая еда творит с голодающими!

В душе царил мир и покой, я был уверен, что все люди братья, а заодно выступил бы за мир во всем мире, – если у вас есть ваша крыша над головой, если еда для вас – это трехразовая обыденность, то вы не поймете то, что я сейчас чувствую.

Проморгавшись от счастья, обильно выступившего на лбу

– специй на похлебку не пожалели, – я с блаженной улыбкой обвел лагерь взглядом. Нужно было понять, куда на этот раз меня занесло.

Лагерь бурлил эмоциями. Нас ждали, очевидно: едва часовым стало известно о появлении отряда, поднялась суета. Но не бестолковая, нет, каждый знал свое место. Для всех нашлось свое дело. Вернувшихся посадили обедать, горячее досталось не только мне: наши провожатые с неменьшим энтузиазмом уплетали похлебку за обе щеки, оживленно переговариваясь за соседним костром. И только мне, как обычно, приходилось клясть неизвестно кого за полное отсутствие знания языка. Судьба устала мне намекать: учи язык!

С радостью, только как?

У края поляны, поблизости от того места, где мы вышли из леса, дымился большой черный котел. Возле него на свежесрубленном чурбачке чинно восседала героических размеров женщина. Она зорко посматривала на обедающих, регулярно гоня за добавкой шустрого пацана лет десяти. Большущий, величиной с его голову, котелок в его руках стремительно проносился по всей поляне, сопровождаемый одобрительными взглядами и возгласами жующих людей.

В центре, насколько я мог разглядеть, пирамидками стояли луки, рядом лежали тощие мешки из грубой ткани. Даже с виду она была лучшего качества, чем моя нынешняя одеж-

да. С другого края пряталась приличных размеров палатка. Купол поднимался метра на три и крепился к веткам деревьев, нависавших над нами. У входа стояли двое и лениво переговаривались.

Лагерь опять зажил прежней жизнью, ничем не выделяясь на фоне лесного многоголосья, мерного скрипа беседующих с ветром деревьев и перекрикивания пернатых обитателей. Пройдешь мимо и не заметишь. Я бы точно не заметил.

Меня сразу посадили отдельно. Хотя я вроде бы сам упал у первого попавшегося костра, но никому не пришло в голову составить компанию. Естественно, кому охота сидеть с чужаком. За мной не следили, но когда паренек, пробегая мимо, попытался налить мне добавки, его сурово окликнули, и он испуганно проскочил мимо. Второй порции мне не досталось, и мяса в миске я не нашёл, хотя, приглядевшись, заметил, что другим положили изрядно. Что это? Заведомая несправедливость или чей-то непонятный для меня умысел? Впрочем, прислушавшись к животу, я оказался далек от мысли потребовать себе прибавку, желудок явно отвык от обычной пищи, да и от жизни впроголодь ему пришлось так ужаться в размерах, что теперь, спустя минут десять, мне показалось, что я проглотил слона, а ещё через двадцать этот слон проснулся и принялся выбираться отсюда. Мне пришлось весьма постараться, чтобы его успокоить.

На воде между тем экономить не стали, и парень принес деревянную чашу, до краев наполненную водой, холодной

настолько, что ныли зубы. Мы точно в Средневековье? Я как-то слышал, что в те времена пили только вино. Впрочем, от воды я и не подумал отказываться: жажда и голод – вот мои друзья последнее время.

Я пил маленькими глоточками, наслаждаясь, выпитывая прохладу всеми клеточками своего тела. Скорее всего, неподалеку есть ключ, иначе откуда она такая холодная?

Эта чаша показалась мне даром богов. Казалось, я не пробовав ничего вкуснее целую вечность, а источник в шахтах, отдающий железом и серой одновременно, теперь вспоминался с брезгливостью и отвращением. Но человек, как оказалось, может привыкнуть и не к такому.

Утолив голод и жажду, я так и остался рядом с костром. Вряд ли кому-то понравится, когда незнакомый человек бродит по лагерю и всюду сует свой нос. Да и с моего места мне был открыт практически каждый угол, так что любопытство можно удовлетворить и отсюда: наблюдать за людьми мне не запрещали, и я всюду воспользовался этой возможностью.

Довольно долго я напрасно крутил головой, пока, наконец, не откинулся полог шатра и на свет не вышли Храст и тот, второй. Переглянувшись, они направились прямо ко мне. Интересно, зачем я им понадобился и как они собираются объяснять, что им от меня надо. И с какой стати я решил, что кто-то будет что-то мне объяснять? Никто не расскажет тумбочке, что ее привезут домой и будут хранить в ней сахар. Кроме того, Храст наверняка упомянул о моем

небогатом словарном запасе. Да Эллочка-людоедка по сравнению со мной профессор филологии и оратор в одном флаконе!

Первым шёл тот самый дядька с мечом, на вид лет тридцати пяти – сорока. Правая рука на рукояти меча, из чего я сделал вывод, что оружие для него, скорее, предмет одежды или телефон: большинство из нас без телефона, как без штанов, если забыл взять с собой – жизнь кончилась, именно сегодня пропустим звонок президента или наш лотерейный билет отдадут другому.

Они шли не торопясь, по пути перебрасываясь словами. Храсту из-за своего роста приходилось мелко перебирать ногами, но он даже не думал обгонять собеседника, шел за ним так, будто боялся упустить хоть слово. Весь его облик кричал о почтительности, что, в свою очередь, свидетельствовало о немалом авторитете человека, за которым он следовал.

Я, не стесняясь, его разглядывал. Кто это, очередной Робин Гуд местной закваски? Или реальный мужик с большой буквы? То, что я видел сейчас, говорило даже о некоторой опаске, с которой к нему относились. На ум вдруг пришло невольное сравнение с телохранителем отца, Серсанычем.

Когда мы впервые друг друга увидели, Серсаныч уже давно разменял пятый десяток и вот-вот должен был отпраздновать юбилей. Полста лет – это словно рубеж, для кого-то дорога в горку, когда сил тащить все меньше, когда начинаешь осознавать, что лучшая половина уже миновала, а ко-

му-то время меняет лишь цифры в календаре, сохраняя облик человека нетронутым – лишний десяток рисует черточки на лице, но не сгибает фигуру, не клонит к земле, а сил ещё столько, что можно подковы гнуть. Серсаныч как раз из таких, грузный, тяжелый секач, если сравнивать с кем-нибудь из животных. Нетороплив, медлителен, смотрит из-под полуприкрытых глаз, но это все напускное. Я видел, как он работает – не дай бог встать у него на пути.

В Серсаныче нет ни капли самоуверенности и вальяжности. Я не видел, чтобы он позволял себе вести себя вызывающе. Ему это просто не нужно. Он выглядел как человек, который в любой момент в состоянии решить любую проблему. Возможно, поэтому инциденты с его участием можно пересчитать по пальцам.

А сейчас я видел перед собой его точную копию. Только лет на двадцать моложе и потому во сто крат опаснее.

Воистину, поговорка «по одежке встречают» явно написана для этого места. Если судить по наряду, мужик был одет с иголки! Он щеголял в самых настоящих кожаных сапогах, правда, довольно неожиданного покроя – с острыми носами и тонкой подошвой, они, скорее, напоминали балетки с высоким голенищем, чем классические сапоги моей современности. Темные кожаные штаны, как я теперь понимаю, – вообще неприменимый атрибут любого человека, который здесь хоть чего-то из себя представляет. Поверх легкой светлой рубахи наброшена кожаная куртка, на рукавах которой наши-

ты широкие налокотники.

Незнакомец приближался неторопливой походкой человека, знающего себе цену. Судя по уверенной манере говорить, он привык, что к его словам как минимум прислушиваются.

По мере их приближения мой энтузиазм уменьшался, а сожаление и разочарование подрастали. В моих далеко идущих планах я никак не учитывал время, в которое угодил. Эпоха накладывала на людей свой отпечаток – сила порождает возможность: если ты в состоянии откусить кусок и сможешь его удержать, честь тебе и хвала, значит, ты в своём праве.

К сожалению, я знал эту породу людей и в той, уже прошлой жизни, постоянно с ними общался. Для них важны прежде всего внешние признаки: крутая машина, часики за миллион, квартира размером с аэродром. Если ты не отвечаешь определенным критериям их собственного понимания ценности, с тобой будут говорить, как с инструментом, не более. А что делают с инструментом? Правильно, его используют до полной амортизации.

Стоило ему обратить на меня внимание, как к горлу подступил комок: столько неприязни, брезгливости и презрения выплеснулось на меня за мгновение, что у меня сперло дух. Откуда вдруг такое понимание чужих чувств?! В его глазах я оказался в лучшем случае больным домашним животным или вещью, которую пока не знали, куда пристроить. Даже

хуже, я был уже заранее поломанной вещью.

Несложно поставить себя на место человека, который сейчас с крайней брезгливостью взирает на то, что я из себя представляю. Сомневаюсь, что мой внешний вид хоть сколько-нибудь отличается от типового представителя пещерных крыс по недоразумению названных людьми. Кстати, вот, похоже, и отгадка, почему я оказался у костра в одиночестве. Кто захочет делить еду с крысой?

Я поймал себя на мысли, что снова вижу что-то над головой у обоих людей, которые приближались ко мне. Бесформенное, подрагивающее и цветное. И эти резкие ощущения чужих чувств, как будто они транслируются мне прямо в мысли. Что со мной такое?

– Иан? – с сомнением в голосе произнес владелец меча, стараясь держаться от меня на расстоянии, брезгливостью от него несло за версту, как от меня нечистотами. Храст стоял за его плечом, от его хорошего настроения не осталось и следа.

Так-так, меня явно хотели перепродать. Значит, все-таки мой конвоир вытребовал себе оплату долга, а вожак сбегрил ему самого никчемного обитателя трущоб. Зачем я такой был нужен? Не показывать же меня в цирке...

Очевидно, то, что мой незадачливый конвоир до поры до времени считал великолепной сделкой, только что превратилось в самый большой просчёт. Я почувствовал, как ценность моей жизни – стремительно перемещается в отрица-

тельную зону и запаниковал – решалась моя судьба. Очевидно, Храсту я на самом деле не нужен, все, что он намеревался сделать, – продать меня этому человеку. Мой мизерный шанс – стать полезным моему будущему хозяину. Не осталось ни тени сомнений, что в противном случае мне элементарно перережут горло, и мое будущее – служить подкормкой для местных грибов.

Нужно срочно что-то придумать, а с импровизацией у меня вечно проблемы! Но жить захочешь – сделаешь и не такое.

Я бодро вскочил, чем привел обоих в легкое замешательство, живот не вовремя возмущённо квакнул, он так и не пришёл в себя от радости, что ему досталось что-то, кроме улиток. Люди недоумевающе переглянулись. Облачка над их головами поблекли и внезапно порозовели, как шарики от жвачки, но я не стал забивать голову странностями.

– Иан! – я ткнул себя в грудь кулаком. Как там говорится, наглость – второе счастье? – Иан!

Храст что-то торопливо сказал, человек с мечом задумчиво кивнул, не сводя с меня взгляда.

– Храст, – я показал на своего теперь уже прошлого владельца, мне не слишком нравилось это слово, но по привычке я был объективен.

Затем я указал на главного и скорчил вопросительную гримасу.

Меня поняли быстро.

– Вордо, – он повторил мой жест, и я почти не почувствовал презрения в его голосе.

– Вордо, – я указал на него, затем, подумав, добавил: – Храст, Иан идет Вордо.

Сказал и разинул рот. Все слова были произнесены головами тех, кто сейчас с любопытством смотрел на меня.

Тот, кто назвался Вордо, произнес еще несколько слов, из которых я различил только слово «идти» и свое имя.

– Иан идти, – еще раз кивнул я, показав жестом из двух пальцев, каким образом я шел. Запихнули бы меня в тело артиста, тогда не было бы проблем с пантомимой, а так приходится вспоминать, как моя подруга игралась с племянницей у нее дома. Никогда не угадаешь, что тебе понадобится в будущем.

Вордо задумался, меня коснулся легкий ветерок любопытства, тыльной стороной ладони он потер висок, от него на этот раз повеяло задумчивостью и сомнением. Он что-то сказал Храсту, кивая в мою сторону. Надеюсь, это не приказ вроде: «Прирежь его где-нибудь по-тихому». Я стоял и ждал, что будет дальше. А нужно было ещё что-то делать. Я чувствовал, что фокусами с голосом его не проймешь.

Время сжималось, словно пружина, мысли понеслись вскачь. Чем я могу быть полезен такому человеку, как этот? Человеку, под началом которого находится отряд из шестнадцати человек.

Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, чем в лесу может заниматься группа из двенадцати взрослых парней, вооруженных луками и ножами. Наличие двух женщин, не меняло, а лишь подтверждало мою догадку. Я не тешил себя никакими иллюзиями, меня привели в банду, которая занималась обслуживанием близлежащих путей на предмет отъема у населения нажитого имущества. Кого они грабили, не столь важно, имело значение только то, что все решает исключительно полезность каждого конкретного индивидуума.

Я мысленно прикинул свою и пришел к неутешительному выводу, что данная величина хорошо, если просто стремится к нулю. В глазах Вордо, боюсь, она выглядела отрицательной. Кому нужен вонючий, колченогий горбун, которому ни при каких обстоятельствах, даже со временем, не стать, скажем, мастером меча, умелым вором или убийцей? Да, чему-нибудь я могу выучиться. Когда-нибудь. Только найдется ли такой человек, который станет учить бездомного выроodka без гроша в кармане и малейших надежд на будущее? Вордо явно умнее всех, с кем мне здесь доводилось встречаться, но вряд ли в подобных обстоятельствах готов думать о будущем. Я должен был предложить ему что-то сейчас, а не через год.

Паника – плохая помощница, но отчаяние всё больше меня охватывало. Оказавшись в этом мире, я не знал ничего из того, что могло бы мне пригодиться.

Стиснув зубы, я грязно выругался. Чертовы попаданцы! Был у папы охранник по имени Николай, захлеб зачитывающийся книгами о «наших там». Все вокруг всегда знали, что он читает в данный момент. Эмоции у парня зашкаливали, и ему хотелось непременно с кем-нибудь обсудить сюжет новой книги. С его слов, главный герой обязательно оказывался в прошлом весьма подготовленным. Кто-то владел кузнечными навыками, кто-то помнил кучу полезных технических данных, для кого-то не составляло труда взять и заново изобрести лекарство, которое возьмет да и поднимет на ноги сына царя после неизлечимой болезни. А кому-то повезло, и он помнил все хоть сколько-нибудь значимые исторические события, и будущее для него – открытая книга. Да мало ли чего еще придумывают писатели, чтобы персонаж не сгинул на первых же строчках!

А я чей герой? Кто придумал мою историю? Да и историю ли? Пока все идет к тому, что на меня хватит и коротенького рассказа. Эпитафии, например.

Вордо по-прежнему задумчиво разглядывал мою фигуру. Его взгляд расфокусировался, я чувствовал его угасающий интерес, некоторое недовольство, немного брезгливости, которая пока отошла на задний план. Баланс этих чувств постоянно менялся, как будто в стакане были налиты жидкости с разной плотностью, и они постоянно перетекали с места на место и так без конца. Интерес, поначалу почти затмивший брезгливость, вновь стремительно угасал. Я чувствовал, что

у меня осталось в запасе совсем мало времени. Нужно было доказывать свою полезность немедленно, иначе перспектива стать удобрием превратится в свершившийся факт.

Я лихорадочно искал выход. Нужно подобрать единственно верное решение. Главное на данный момент – выжить любой ценой! Все остальное потом, наверстаем, напланируем, заработаем, мертвецам же планы побоку. Что нужно Вордо? Ему нужны деньги, это ясно, как день! Вряд ли в лесу они играют в индейцев. Скорее всего, они здесь занимаются привычным делом, которое вот-вот начнётся. Ну не для того же сидят здесь эти люди, чтобы повстречать меня с Храстом!

Храст же под каким-то предлогом вообще отправился решать свои собственные делишки, я не готов поручиться, но мое появление в лагере для Вордо оказалось весьма неожиданным делом.

Предположим, они здесь еще день или два, лихорадочно рассуждал я. На поляне из двенадцати парней всегда отсутствуют два человека: я видел, как они уходили с поляны. Вывод: эти двое следят за дорогой, потому что вряд ли здесь есть еще что-то, заслуживающее внимания Вордо. Наверное, они ждут обоз или купеческий караван. Для какой-нибудь королевской казны людей маловато.

Я так думаю, Вордо надеется, что до рукопашной, скорее всего, не дойдет. Одиннадцать луков – это серьезно. Сколько человек может быть в караване? Вряд ли много – уж больно плохая дорога, большой охраны не будет. А если он неболь-

шой, то сколько может ехать охраны? Допустим, как минимум пять человек. Столько охраны да в придачу к ним те, кто с обозом, да сам купец. Получается около пятнадцати целей. Хватит двенадцати лучников на пятнадцать гипотетических человек? Не знаю, потому что никогда не было такого опыта. По идее должно, по стреле на каждого, да ещё трое, плюс пресловутый эффект внезапности. Впрочем, все эти мои рассуждения могут яйца выеденного не стоить. Но от чего-то нужно плясать.

Я продолжал рассуждать: когда на носу такое ответственное мероприятие, нет времени, да и не хочется думать ни о чем другом. Тем более о каком-то там горбуне.

Он и так уже практически потерял ко мне интерес!

По мере роста сомнения Вордо, на лице Храста надежда сменялась раздражением, которое прежде всего было обращено ко мне. Он определенно был разгневан и раздосадован одновременно. Злость и презрение наливались чернотой, которая не обещала мне ничего хорошего. Великолепная сделка была под угрозой, а кому понравится терять деньги?

Я чувствовал, что мне остались секунды. Вордо уже жалел, что занялся этим делом, и досада все больше разрасталась во всем его облике. Было видно, что он готовится послать Храста куда подальше с его выгодным предложением. Мне нужно было на что-то решаться. Я мысленно застонал. Выход был только один, и мне он совершенно не нравился.

Если бы я мог придумать что-то еще, обязательно это сделал, но проклятый Вася не оставил мне шансов.

Со всей возможной скоростью я поковылял к котлу, возле которого тот самый пацан, который разносил всем еду, сейчас занимался тем, что раскладывал по кучкам очищенные от остатков еды тарелки. Для моих планов эта посуда пришлась как нельзя кстати. Я схватил одну плошку и почти бегом кинулся обратно.

Вордо, заинтригованный, наблюдал за представлением, Храст был готов меня удавить, но они оба пока еще ничего не поняли, и я молился, чтобы моих скромных артистических талантов хватило на небольшое представление. А заодно поминал добрым словом одну из своих подруг, которой постоянно не сиделось на вечеринках. Она считала своим долгом организовать досуг тех, кто пытался спокойно попить вина или покурить кальян. Гвоздем ее программы была игра «Крокодил», в которой все пытались угадать фильм по неумелому кривлянию очередного бедолаги, назначенного на роль ведущего.

Поставив тарелку перед собой и порывшись в траве, я откопал несколько камешков, которые должны были заменить рабочий инвентарь и, наконец, уселся в позе лотоса прямо на траву. Убедившись, что за мной наблюдают, я сложил ладони лодочкой и принялся отбивать поклоны и заунывно мычать. Сделав несколько серий таких упражнений, я нащупал один из камней и бросил его в тарелку. А зрителей-то прибави-

лось! Еще трое с любопытством подошли поближе. У котла на меня пучил глаза паренек. Женщины укоризненно качали головами. Но для меня имели значение глаза только одного человека на этой поляне. На губах Вордо гуляла усмешка. Все он прекрасно понял!

Я кинул ему один из камней, закрыл глаза и продолжил свое представление с закрытыми глазами. Раздался глухой стук по дереву. Я открыл глаза – в тарелке вместе с камнем лежал маленький кругляшок монеты, а руки Вордо были пусты. Он опять что-то говорил Храсту, отчего у того на лице блуждала довольная ухмылка, еще больше искажая не слишком правильные черты лица, а я чувствовал, что волны недоброжелательности сменились теплом удовлетворения и свежей прохладой ожидания. Мое предложение было принято, а грибы пока подождут.

Глава 7

Моя первая ночь в этом мире под открытым небом. Спать у костра очень даже приятно, но временами хотелось, чтобы огонь горел с двух сторон – так теплее. Холод преследовал меня и здесь, несмотря на то, что температура ночью не слишком отличалась от дневной. Я лежал на боку, подложив под голову ладонь, и с тревогой вслушивался в недовольное ворчание живота. Тот, кто не позволил пареньку насыпать добавки в мою тарелку, прекрасно знал, что меня ожидает.

Я и сам вспомнил, что таких, как я, поначалу отпаивают бульоном, а полная порция легко может отправить на тот свет не хуже любого яда.

В остальном все было прекрасно. Даже земля казалась сказочно мягкой и нежной. Ночной лес настолько же отличался от мрачной тишины каменной шахты, насколько ночная московская подземка отличается от дышащих жизнью и безудержным, неостановимым ритмом центральных улиц. Я и не думал, что негромкие голоса подлунных тварей могут оглушать, а мерный шелест листвы убаюкивает лучше монотонного голоса диктора новостей. Мир утонул в темноте, но это была совсем другая тьма. Не было звона в ушах, воздух дышал криками жизни, он искрился всполохами шорохов и волнами свежей прохлады.

Давным-давно затихли мои соседи по ночлегу. Ночную стражу несли двое парней, я слышал, как они перекрикивались время от времени голосом какой-то птицы. Но сами не показывались, схоронившись где-то на самом краю поляны.

Перед закатом Вордо что-то долго обсуждал с Храстом, затем они оба скрылись в палатке, а у моего костра постояльцев так и не появилось. Я, как был, так и остался один. Пацан, исполняющий обязанности официанта при нашем небольшом отряде, когда уже совсем стемнело, принес мне немного похлебки и флягу, отдаленно напоминающую грелку, только из кожи. Никогда не любил сухое вино, но тут организм всполошился, едва почувствовал, что вожделенный

праздник легко может пройти мимо.

Не спалось. Вино оказалось несусветной кислятиной. Я едва осилил пару глотков и отдал флягу обратно под недоумевающие взгляды большинства лучников, которые собрались за соседним костром шагах в пятнадцати от меня. Ну и пусть, вино от меня никуда не денется, а помереть, едва выбравшись из подземного мрака, тот еще подарок судьбы.

Когда совсем стемнело, люди стали расползаться по лежанкам. А мое сердце время от времени давало сбои: то отступало бешеный ритм, то замирало в страхе. Я до сих пор не мог отделаться от мысли, что пару часов назад мой путь вплотную приблизился к опасному краю. Жизнь висела на волоске. И только сейчас, в темноте, мне удалось осознать, насколько я оказался близок к гибели. Стоило чуть промедлить и вместо вина меня угостили бы сталью. Один из парней, которые столь одобрительно поглядывали на меня, когда я уплетал ужин, спокойно полоснул бы отточенной сталью по горлу, и все. Вордо точно не стал марать свои руки. Зачем? Едва ли он вспомнил обо мне уже через пятнадцать минут: проблема временно решена, чего к ней возвращаться.

Принято ли клясться в такие минуты? Что толку от бесполезных слов, если у тебя нет возможности выполнить обещание? Я мог бы сто раз дать слово, что со мной больше не случится ничего подобного, но только сейчас я осознал, что Вася провел превосходную комбинацию. Он лишил меня главного. Сколько раз мне приходилось повторять друзьям и

знакомым: все в моих руках, все зависит только от меня. Мне нравилось думать, что ситуация под контролем. Следуя словам моего отца, любые шаги я выполнял с четким осознанием: в случае неудачи, не потерять независимость. Любой шаг чреват лишь местными потерями и не ведет к катастрофе.

Проблема в том, что есть факторы, которые мы не в состоянии учесть. Они находятся как бы вне плоскости нашего бытия. Как если бы ты готовился к приходу налогового инспектора, а вместо него в твой дом прилетел снаряд. Нельзя быть ко всему готовым. Но можно всегда подниматься, если ты понимаешь, что смертельный удар себе можешь нанести только ты сам.

Почему-то в шахтах, которые я все чаще называл пещерами, я не мог думать о будущем. Голова была пуста. Вы знаете, место очень часто определяет твою сущность. Трудно быть умным, когда ты находишься среди тех, кому не нужны твои размышления. В пещерах мысли забивались в отдаленные уголки и не хотели выползать на свет. Организм и наше «я» очень тонко чувствует окружение и его потребности. К чему думать, если это никому не нужно? Зачем быть умным, если можно набить живот и ничего не делать? Выскочек никто не любит? Брехня! У них не так много времени до превращения в стадо. Сколько бы я там протянул? Как быстро Александр Гроцин превратился бы в бледного червя, ворочающегося у стен и с вожделием наблюдающего, как по зеленому мху ползают аппетитные улитки – предел мечтаний любого су-

щества в подземном царстве. Мне стало страшно, по-настоящему страшно. Два часа назад я мог просто умереть. День назад судьба готовила мне гораздо более страшную участь. Я поглубже загнал эту мысль, потому что додумывать ее не хотелось.

Не знаю, с какой целью меня забросило в это тело. Какому высшему разуму взбрело в голову сыграть со мной злую шутку. Вселенная, если ты слышишь меня, пусть этому Васе когда-нибудь тоже будет несладко! Пусть ему оторвет ноги и переедет трамвай! Даже если я об этом и не узнаю. Надеюсь, высшая справедливость все-таки существует. Что же касается моей дальнейшей судьбы, я только что отвоевал свое право на жизнь. Пусть даже это жизнь нищего.

Скажи мне кто еще месяц назад, что Александр Гроцин будет рад довольствоваться подаванием, я плюнул бы ему в морду и с удовольствием заехал в ухо. Но жизнь часто с иронией смотрит на наши планы, а обстоятельства могут переубедить любого, даже самого упрямого человека. У папы была любимая поговорка: всегда действуй из расчета, что ничего не получится, тогда все сюрпризы будут приятными.

Когда решалась моя судьба, я действительно представлял ход мыслей Вордо. Для таких, как он, люди делятся на несколько категорий: полезные связи, полезный товар и мусор. Как я мог остаться в живых? Вариант полезных связей я не рассматривал, какие у меня тут могут быть связи? Переместиться в категорию мусора было равнозначно могилке в

кустах. Причем, скорее всего, в этом случае у меня не было бы даже холмика. Оставалось второе: стать для него полезным товаром. А какой из меня товар? Что я мог ему предложить, ни секунды не медля?

Привычка объективно смотреть на вещи у меня с детства. Да, возможно, мне известно несоизмеримо больше, потому что я продукт своего времени. Я помню теорему Пифагора и могу посчитать сложный процент. Даже без калькулятора. Только кому нужны все эти знания? Что толку от кучи информации, которую нельзя использовать? Мне нужно было предложить что-то такое, сиюминутное, понятное человеку этого времени. Мало того, я должен был все это продемонстрировать так, чтобы меня поняли даже без слов.

Итого у нас имелось уравнение, для которого пользуемся простыми вводными: в наличии один горбун, который должен приносить деньги, потому что больше ничего приносить он просто не в состоянии. Если его светлая голова и работающие мозги, не являются ни плюсом, ни минусом, остается только одно-единственное, чем он может воспользоваться в данной ситуации. Как ни странно это звучит, товаром в данном случае служит его внешний вид. В своей прошлой жизни мне ни разу не довелось увидеть людей, настолько отличающихся от нормы. Понятно, что они не разгуливают по городу направо и налево, им самим неприятно чувство, с которым общество реагирует на их недостатки. Но они есть. И в данном случае мой недостаток будет моим преимуществом. Лю-

дей без ног и рук общество генерирует с достаточной легкостью. Поводом для этого могут служить как банальные войны, так и болезни или несчастные случаи. Рискну предположить, что мой вариант сулит гораздо больше выгоды в плане зрелищности. А люди всегда готовы платить за зрелища.

Естественно, я не испытывал радости от этого варианта, но кто говорит об удовольствии, когда цель – выживание? До этого у меня не было времени и желания планировать свои дальнейшие шаги в этом мире, так почему бы не начать с сегодняшнего дня? Дальше мне оставалось лишь разыграть сценку, которая была бы понятна одному человеку. До всех остальных мне не было дела. Наградой стала одна настоящая монетка в деревянной тарелке. Вордо прекрасно понял, как мое представление, так и то, что я знаю, кто подарил мне дальнейшую жизнь. Так я заключил договор.

Лучше бы я умер в субботу. Бородатый анекдот лучше всего описывал моё состояние после пробуждения. Кто ж так делает? Я был похож на сочный бифштекс, который повар лопаткой пытался перевернуть с боку на бок. Проще говоря, я разваливался. Самой главной частью, от которой я бы сейчас с радостью отказался, были ноги. По-моему, их опять подменили, и теперь они отказывались мне служить. Пошатываясь и побрякивая, моё тело добрело до удобств в очередной раз за сутки, я мысленно «горячо» поблагодарил того умника, который передал мне вина, и пообещал себе, что

первым делом обязательно изобрету туалетную бумагу. Не понимаю, как без нее обходились другие современники, отправившиеся навестить седую старину. Для меня это реальная проблема.

К моему возвращению у потухшего костра уже дымилась миска с кашей. Есть или не есть? С одной стороны, желудок рычал под рубахой, с другой – стонала не менее важная часть тела. Я нашел взглядом дородную тетку, которая отчитывала одного из парней, и благодарно кивнул, за что получил добрую улыбку в ответ. Будем считать, что мне пожелали приятного аппетита. Рискну все же! Жизнь-то налаживается! Теперь бы еще научиться говорить на языке аборигенов, что, кстати, было включено в мои ближайшие планы. Кое-какие мысли на сей счет у меня уже появились.

Покончив с завтраком, я отправился к руководству. Если кто и мог мне помочь, то это был Вордо. Мне он показался гораздо сообразительнее Храста, да и должность, по видимому, обязывала. Ведь кем являлся мой бывший проводник? Я бы назвал его простым солдатом, может быть, даже ефрейтором, будем пользоваться армейской терминологией за неимением любой другой. Вордо же я с ходу записал в лейтенанты. Вот и проверю, во-первых, свою способность находить общий язык, а, во-вторых, возможно, немного поработаю над своим статусом. Жрущий в три горла раб – это одно, а возможность обучения мгновенно поднимает меня в его глазах на несколько ступенек вверх.

Искать никого не пришлось. Поляна жила в прежнем ритме. Двое отсутствовали, остальные в основном занимались своим оружием. Похвально, как для солдата, так и для разбойника: не подведет в бою и лишний раз дает тебе уверенности в своих силах. Вордо, как обычно, сопровождал Храст. Он что-то рассказывал человеку с мечом, изредка эмоционально жестикулируя. Интересно, он действительно является его помощником или только возомнил себя им?

Я остановился, встал за спиной Храста, выжидательно глядя на предводителя. Наконец меня заметили.

– Иан? – Вордо вопросительно поднял бровь. В нем не чувствовалось недовольства, лишь легкая аура заинтересованности, никаких необычных штук над ним я не заметил. Похоже, вчера я произвел на него хорошее впечатление. Останавливаться на этом было бы глупо, нужно закреплять успех.

– Вордо, – мне пришлось изобразить почтительный поклон. Спина не переломится, а для моих планов полезно.

Мне срочно нужно было что-то решать с языковым барьером. Не исключаю, что в будущем, как только мы доберемся до цивилизации, язык станет камнем преткновения. Да этот вопрос уже изрядно попортил кровь! Решать его следовало сейчас. Хотя бы начать двигаться в том направлении – плохой английский лучше, чем никакого, так говорил один из моих знакомых, и он был определённо прав.

Как научиться языку, если нет учебников и учителей? Ко-

нечно же, методом тыка! В прямом смысле этого слова. Как его изучают в школе? Ты показываешь на предмет – тебе его называют, это если не вдаваться в подробности. В совершенстве не заговоришь, но определенную базу собрать можно. И когда придет время, останется лишь оттачивать навыки. К сожалению, при этом велик риск научиться неправильно: повторять-то приходится за обычным, рядовым обывателем, а кто знает, может, он картавит или не выговаривает буквы? Но это приемлемый риск. Я согласен был даже гундосить, лишь бы понимать, о чем говорят люди.

Я коснулся пальцами уха и произнёс:

– Ухо.

Каждое последующее слово сопровождалось касанием части тела.

– Нос, рука, плечо, глаз.

Храст недоумевающе переводил взгляд с меня на Вордо. Он так ничего и не понял. А его патрон меня не подвел. Как я и предполагал, Вордо практически сразу уловил смысл моих действий. Усмехнувшись, он повторил за мной все движения, сопровождая их словами на незнакомом мне языке. Все еще улыбаясь, он сделал это еще раз, только медленнее и слова проговаривал трижды. Мне оставалось лишь старательно произносить незнакомые звуки до тех пор, пока не получал удовлетворенный кивок от моего невольного учителя.

Что удивительно, я повторял за Вордо все лучше и луч-

ше, пока, наконец, словно что-то во мне включили, и тогда мне оказалось достаточно услышать слово всего один раз. При этом я заметил вчерашнюю странность: непонятный навык позволял точь-в-точь копировать не только звуки и интонацию, но даже голос. Прямо живой микрофон. Но стоило мне попробовать воспроизвести сказанное своим голосом, как наваждение испарилось, а с ним заодно и способность запоминать слова. Чертовщина какая-то! Как такое возможно?

Пока я копался в себе, перехватил задумчивый взгляд этого опасного человека. Я моргнул: над головой у Вордо стремительно формировалось облако странного цвета, и я почувствовал, как его интерес разгорался с новой силой. Соображал он явно лучше и быстрее меня. И мне на секунду захотелось вытянуть из него эти мысли.

Постаравшись вернуть прежнее ощущение, я без труда переключился на режим микрофона. Словно некий тумблер сработал в моей голове, и – вуаля! – снова пошло-поехало. Информация впитывалась мгновенно, мне не требовалось повторять слово несколько раз. Незнакомый язык органично встраивался в мозг, как будто заполнялся словарь, и это, к моей радости, не требовало от меня практически никаких усилий. Спустя несколько минут Вордо надоело, и он жестом показал, что пора сделать передышку, а я получил запас из нескольких десятков слов. Следовало немедленно этим воспользоваться и продемонстрировать успехи.

– Ухо, нос, рот, глаз, голова, волосы, рука, палец, нога, меч, ремень, – я говорил и говорил, медленно расползаясь в улыбке. Вася, ты не оставил меня! Живи же ты вечно, козел! Ты впихнул меня в тело хромого горбуна и сделал апгрейд в виде абсолютной памяти. Извращенный мерзавец, что еще ты мне приготовил?!

К обеду в лагере по распоряжению Вордо прошел день сына полка. В роли блудного отпрыска пришлось выступать мне, а остальные взяли надо мной шефство.

К делу моего обучения с немалым рвением подключились все свободные члены отряда. Сам начальник благополучно сдал меня с рук на руки, дело командира – задать направление движения, а рутинной пусть занимаются рядовые. Началось же все с того, что меня вымыли и переодели.

Женщину, которая заправляла хозяйственной частью всего отряда, звали Кара. Имя не слишком подходило ее тучному телу, но размеры, к моему удивлению, ничуть не мешали ей исполнять свои обязанности, а тяжелой руки боялась добрая половина отряда. Когда меня перепоручили Моришу, который оказался одним из тех, кто всю прошлую ночь просидел в дозоре, Кара решительно взяла меня за руку и жестом велела снимать одежду. Признаться, поначалу я слегка перепугался, но, когда перед моими глазами покрутили обновками, я был готов простить ей все что угодно.

Одежду сразу мне не отдали, криками и улюлюканьем го-

льшом погнав в лес, впрочем, после недовольного возгласа Храста смех оборвался, и дальше меня провожали только ухмылками. Не слишком приятная прогулка нагишом завершилась еще более неприятными водными процедурами: меня загнали в ручей, воду из которого можно было пить исключительно маленькими глотками, и следующие десять минут я изображал из себя лебедя и вспоминал анекдот про поручика, который, как известно, к прекрасному стремился не сильно и вышеназванной птицей быть не хотел. После десяти минут в ледяной воде я полностью разделял его взгляды.

После непродолжительного бега и согревающего массажа в виде поощрительного похлопывания по спине мне наконец отдали одежду и на некоторое время оставили в покое. Мальчишка, которого все вокруг звали просто Жбан, принес мне вчерашней кислятины, по недоразумению называемой вином, и сегодня оно уже пришлось как нельзя кстати.

Я сидел у потухшего костра и наблюдал за лагерем, прикладываясь к чашке. То, что для меня не пожалели родник, говорило лишь об одном: то, ради чего они здесь, совсем близко. Возможно, лагерь доживает свои последние часы, а мне следует приготовиться. Хотя бы морально.

Я окинул взглядом свою новую одежду. Конечно, кожа полагалась только старшим, но и то, что мне досталось, оказалось пределом мечтаний. Смею надеяться, что всему виной непривычная задумчивость Вордо и открывшаяся способ-

ность к языкам, которой можно найти лучшее применение, чем держать такого красавца на паперти. Дальнейшее показало, что как минимум мои мысли имеют право на жизнь – Вордо всерьёз решил меня испытать, и моим обучением занялись все, свободные от дежурства.

Я с удовольствием потрогал полы рубашки: более плотная ткань не мешала движениям, а излишнюю длину тут же убрала вторая девушка, которую, как я выяснил у Мориша, звали Орен. Рубаху пожертвовал еще один из парней после того, как на него посмотрела Кара своим жутко кровожадным и мрачным взглядом. Надо признать, я бы тоже испугался, поэтому не удивительно, с какой скоростью у меня оказалась обновка.

Впрочем, полюбоваться собой я не успел, ибо меня тут же взяли в оборот. Снова пришлось импровизировать. Во мне, оказывается, до сих пор пропадал изрядный актерский талант. Какой смысл набирать одни названия вещей и предметов, если в запасе нет слов, которыми их можно связать? Не будешь же говорить «тарелка и ложка», когда хочешь есть? Тебе нужен глагол. Чтобы показать их правильно, требовалась нешуточная смекалка. Игра в отгадки затянула даже Храста, который азартно что-то выкрикивал из задних рядов, когда я пытался узнать, как звучит слово «пить».

Шум и крики опять приняли до того угрожающие размеры, что Вордо пришлось утихомиривать разошедшихся подручных. В заключение последнее слово оказалось за Карой,

одним из достоинств которой был явно сержантский голос. Мы разбежались по углам, как тараканы, опасливо поглядывая на боевую женщину, подбоченившуюся в центре поляны.

Итогом первого дня стал запас из двухсот пятидесяти слов, которые моя память вобрала в себя с той же легкостью, как и первые пять из этих сотен. Я помнил все до последней буквы и самого невероятного звука. Кроме того, слова сохранились в нескольких вариантах, так что я мог повторить их голосами большинства присутствующих. Когда я проделывал этот трюк, парни толкали друг друга, со смехом указывая на меня пальцем, Вордо стоял у своей палатки и задумчиво за мной наблюдал. Взгляд у него был такой... оценивающий. Аура любопытства и заинтересованности вновь поменялась и теперь я чувствовал исходящие от мечника настороженность и угрозу.

Мне пришло в голову, что на самом деле не все так весело и прекрасно. Использование меня в качестве нищего давало определенную свободу действий. Их, естественно, контролировали, не оставляя без пригляда, но ничего особенного от них никто не ждал. Копеечка-другая и все. Я надеялся входить в жизнь этого мира постепенно, и, несмотря на множество недостатков, карьера на паперти лучше многих подходила для моих планов. Наличие у человека определенных качеств, которых не было у других при определенных обстоятельствах могло со скоростью пули подтолкнуть его продвижение.. Вот только это значило бы, что я буду абсо-

лютно зависим от своего добродетеля. И буду совершенно не готов к этим шагам: кто же отпустит курицу, которая несет даже медные яйца? А значит, шанс столкнуться с хозяином лбами и потерять при этом голову вырастет несоизмеримо. Лишиться столь необходимой в моих планах части тела я не хотел.

Надо как-то тормозить с демонстрациями. Так наобум можно откопать нечто такое, что зарует меня со стопроцентной гарантией. Васек подsunул мне спецификацию с подковырками. Что еще я найду в своем списке возможностей?

Весь остаток дня Вордо поглядывал на меня, старательно пряча интерес за маской холодного безразличия. Но теплая покалывающая волна то и дело касалась меня, когда я ловил на себе его взгляды. Чую, нас ждет не слишком приятный для меня разговор. И теперь мне не отвертеться, прикрываясь незнанием языка. Он убедился, что для меня это не просто набор звуков. А с помощью двухсот слов можно о-го-го сколько всего узнать. Плохо еще и то, что в случае необходимости мой лексикон пополнят дополнительными понятиями. Вордо явно понял суть моего метода, поэтому рано или поздно научит меня словам вроде «замысел», «слежка», «дезинформация». Ну не похож он на обычного вора. И даже на атамана не слишком смахивает. Мне не бог весть сколько лет, но военного я узнаю хоть с саблей, хоть без нее – слишком много их крутилось рядом с моим отцом. Вордо точно

как-то связан с силовыми структурами и, судя по манере себя вести, был далеко не из последних.

А потом всем стало не до меня. Сначала вернулся один из двух человек, которые отсутствовали все это время. Я заметил только тень, стремительно метнувшуюся из леса. Полы палатки яростно хлопнули, и на минуту все стихло. Затем на поляне поднялся страшный переполох. Люди разбирали оружие, лучники заранее прилаживали тетивы на место. Кара, возникшая из ниоткуда, раздавала колчаны и подзатыльники. Последнее у нее получалось особенно ловко. Вордо возник на пороге своей палатки при полном параде. Меч на боку, с которым он и не расставался, на плечах стеганая куртка с нашитыми металлическими пластинами. Я такой и не видел никогда. Он ни на кого не смотрел, но все видел.

Радоваться мне или печалиться? Разговор, похоже, откладывался на неопределенный срок. Я был бы не против, если он вообще не состоится. А заодно, чтобы все позабыли о моем существовании. К сожалению, это было возможно только в одном-единственном случае. А он предполагал высокую вероятность того, что я тоже его не переживу.

Сборы были недолгими. Вся мужская часть отряда бесследно растворилась в лесу, забрали даже мальчишку на побегушках. Сколько я ни вслушивался, ни одна ветка не треснула в той стороне. Парни умели ходить тихо, если того требовала ситуация. Не осталось даже дозорных, на всю поляну нас теперь было трое: две женщины и горбун.

Перед уходом костер было велено затушить, а палатку свернуть. Медленно тлеющие угли распространяли вокруг малиновые отблески света. Мои руки старались ухватить уходящие волны жара, совсем скоро капельки света потускнеют и жизнь утечет вместе с весело скачущими огоньками. Женщины сворачивали лагерь. Оказалось, в их маленьких руках таилась немалая сила. Я взглянул на Кару и хмыкнул, тут и руки были не такие уж маленькие. Она легко управлялась с палаткой, ловко скатывая плотный материал в рулон. Котелок был давно подготовлен к транспортировке, кое-какие вещи мы подтащили к центру поляны. Надо заметить, что основную работу женщины сделали сами, мне доверили только самое простое, вроде поди – подай – принеси.

Поляна быстро возвращала свой первозданный вид. Его портили только три проплешины от костров и небольшая горка вещей. Глядя, как я жмусь поближе к потухшему пепелищу, мне выдали короткий плащ, в который я немедленно завернулся. Почему-то сегодня к вечеру посвежело. И птицы переговаривались совсем по-другому. Мне стало тревожно.

Что за дело у Вордо? Кому предстояло стать добычей? Вордо – военный, теперь я в этом уверен. Остальные и не подозревают об этом, парни, в отличие от их атамана, обычные ребята с большой дороги. Похоже, их поманили большим кушем или легкими деньгами. Храст, хоть и строит из себя умного, одного с ними поля ягода, он просто больше всех и сильнее. Этот точно не гнушается зарабатывать раз-

боем и берет все, что плохо лежит. Что же им пообещали? Скоро узнаю. Только сдается мне, что цель вовсе не купеческий обоз. Сказал ли кто об этом обычным исполнителям? Сомневаюсь, что кому-то есть до них дело. Удел всех наемников идти и умирать.

Ненавижу ждать и догонять. Первое вообще не по мне, моя натура всегда требует действия. Второе противно мне, как лидеру. Мой удел быть впереди на лихом коне... Ладно, это было раньше, но что поделать с привычками, въевшимися в кровь? Их не вытравишь в одночасье. И пусть мне несладко жилось целый месяц, эти два дня подействовали на меня, как свежий воздух на людей, которые сутки сидели в лифте. Впрочем, кое-какие черты характера мне вытаскивать не хотелось, с другой стороны, где бы я сейчас находился, если бы не мой характер? Хм... Может, и дома бы, кстати, был. Кто его знает?

Сейчас я был вынужден заниматься самым нелюбимым делом на свете – я ждал. Если бы меня забросило во времена современных войн, ожидание, наверное, не было бы настолько тягостным. Звуки выстрелов разносятся далеко, боестолкновение было бы слышно из лагеря. А тут что? У обеих сторон стрелы, а ты сидишь и гадаешь, было ли вообще хоть что-нибудь. Кругом тишь и полная неизвестность. А ну как Вордо попадет в засаду?

У меня появилась особенность. Ночью стало легче думать, складывались картинки, которые еще днем выглядели мешаниной разрозненных фактов. Раньше, еще в бытность свою в столице, ночь для меня – это время веселой гульбы и развлечений. День для работы, а после заката дела можно отодвинуть в сторону. А глубокий и здоровый сон? Ну все же помнят, где мы все точно отоспимся?

Когда-то я слышал, что работа мозга сродни тяжелой тренировке – требует огромного количества калорий. Может, поэтому по ночам я всегда мерзну? Даже относительно теплый плащ не спасал. Я сидел, закутавшись в него, и размышлял. Для сна еще не пришло время.

Почему я решил, что Вордо военный? Сначала появились сомнения в том, что он обычный атаман лихой ватаги. Я приглядывался к нему, подмечая, как он говорит, как ходит, как думает. Вроде бы ничего необычного, тем более удивительно, почему во мне крепла уверенность, что еще месяц назад прежний «я», наверное, не почувствовал бы ничего. А сегодня чувство просто кричало о несоответствии. Что-то зрело во мне, словно почка под воздействием солнца набухла в предвкушении весны и тепла. Откуда все эти волны и ауры? Только сейчас во мне пробудилась мысль, что фактически я чувствую чужие эмоции. Но не просто эмоции, а мысленный фон, направленный в мою сторону. Я могу читать мысли? Да вроде бы нет. А вот эмоции для меня становились открытой книгой. Очередная суперспособ-

ность? Только какой в ней прок, если я не могу за себя постоять.

Где-то завопила знакомая птица, я вскинулся, но все было тихо. Лес жил и скрывал свои тайны. Мне тоже нужно было позаботиться о своих. Чем меньше люди о тебе знают, тем меньше могут навредить. Информация – это меч, который обязательно будут использовать против тебя. Хотя бы для того, чтобы держать рядом, контролировать и пользоваться твоими талантами. Мне двадцать три года, но я видел столько, что может позавидовать любой человек. Ну или пожалеть, если этому человеку ты дорог. Жалость же нынче непозволительная роскошь. Вордо плевать на жалость, но он получил слишком большую власть надо мной. В ближайшие дни мне предстояло решить, хочу ли я остаться под его покровительством, а значит, еще больше укрепить его власть, или мне стоит дистанцироваться от него. И тут встает вопрос: как?

Возможно, в чем-то я преувеличиваю опасность, но лучше, как говорится, перебдеть, чем потом кусать локти. А были ли у него вообще намерения определять меня на работу нищим? Теперь меня грызли сомнения. Я, конечно, не сомневался, что у военного могут быть контакты среди обитателей городского дна, но так ли уж из-за денег? А что может быть полезнее денег? Услуга, долг, свой человек среди конкурентов, наконец. Может, именно за этим меня и взяли? Постукивать время от времени? Но что могут знать нищие?

О! Судя по книгам, что мне приходилось читать, многое! Шепоток здесь, слово там, неосторожная фраза, брошенная в таверне под кружку пива. Да мало ли? Так зачем я ему? Будут ли меня использовать втемную? И пора бы подумать, чего хочу я сам.

Под эти мысли меня и сморило.

Глава 8

Если сон можно сломать, то мой просто разорвали в клочья. Меня возвратило к действительности с такой скоростью, что ещё несколько секунд я очумело хлопал глазами, не понимая, где нахожусь. Мир наполнился красками, криками, женским плачем и стонами. Рассвет едва приподнял покров ночи, но света уже хватало, чтобы понять: то, что должно было произойти, случилось. На поляне снова были люди. Их число сократилось, но сосчитать точное количество у меня не получалось. Они мелькали перед глазами серыми сполохами, ни на минуту не останавливаясь. Или мне так казалось спросонья? Наконец, я ухватился глазами за одного из них, чья куртка поблескивала металлическими пластинками. Вордо, а это был именно он, один-единственный из всех спокойно стоял рядом с Карой и что-то ей говорил, показывая на пожитки. Его голоса отсюда не было слышно, но мне казалось, что он такой же ровный и уверенный, как весь его вид.

В итоге, мне удалось охватить взглядом всех присутствующих. Про себя я присвистнул: от отряда остались рожки да ножки – шесть человек, включая их предводителя. Храста и мальчика тоже не было видно. Храст – понятно, он помощник предводителя, но зачем в бой брать мальчика?!

Серьезно их потрепали. Что это, недооценка противника, простая халатность или допустимые потери? И что делать мне в сложившейся ситуации? Подойти и попытаться узнать детали? Или не дергаться? Формально, происходящее меня не касалось. Меньше знаешь, крепче спишь. С другой стороны, своевременное получение информации не раз спасало деловую репутацию моего отца. Какой вариант выбрать?

К счастью, обстоятельства приняли решение за меня. Ко мне приковылял один из парней, правая рука висела плетью, замотанная пропитавшейся кровью тряпкой от самого плеча. Он прихрамывал на левую ногу, едва заметно морщась при каждом движении.

– Вордо зовет, – буркнул он и, не глядя на меня, побрел обратно. Что ж, не будем заставлять атамана ждать.

– Звал, – я решил быть лаконичным, едва подошел вплотную к широкой спине в кожаной куртке. Язык давался мне все легче и легче. Насчет владельца голоса я решил больше не париться, отдавшись всецело во власть моего удивительного умения – пусть выбирает само, чей использовать в данный момент.

– А, Иан, – Вордо обернулся, и моя уверенность в успехе

предприятия заметно пошатнулась. Лицо предводителя было серым. – Храст нас, – далее непонятное слово и красноречивый жест. – Ты мой. Не отходить ни на шаг.

Я кивнул, а что ещё мне оставалось? Мой бывший конвоир и владелец сбагрил ненужную ношу, поэтому формально мне все равно, что с ним стало. Даже с чисто человеческой точки зрения, мне его не слишком жаль. И, может, уже пора кусать локти, оказавшись в лапах нового хозяина? Кстати, я понял не всю речь, но мозг каким-то образом сам начал заполнять пробелы, подставляя возможные варианты. Даже услышав слово, которое мне точно слышать не приходилось, если контекст позволял, оно становилось понятным. Что из меня вырастет? Живой Гугл-переводчик? Мозг, получив минимальную информацию о языке, с изумительной легкостью игрался с чужой речью.

– Кара, ещё раз повторяю: бросить все, – окончание завершилось очередным непонятным словом. – Вам, – далее опять неразборчиво, – достаточно, чтобы вы не думали о котелках!

Ого! Вот, значит, кто у нас верховодит! Кара! А что? Очень даже может быть. Вот прямо верю и все тут! Я покосился на женщину, которая буравила гневным взглядом Вордо. От вчерашней поварихи не осталось и следа. Передо мной стоял жестокий убийца, от взгляда которого кровь стыла в жилах. Ох, не зря мне всегда были не по душе тетки-руководители. Одни эмоции. Такая и на рабочем месте может

прирезать играючи, не то что в лесу.

– Девять человек! Ты потерял девять человек! – она нависала над мужчиной, словно скала над покатым холмиком. – Мы так не договаривались!

– Повторяю, вам заплатили! – рыкнул Вордо, но несколько слов в конце мой переводчик опять зажевал. – Если бы твой Храст, – снова новые, неразборчивые слова, – свою работу, все были бы живы.

– Там были! – последнюю фразу женщины я не понял. – Про «ушастых», – снова то же самое слово, – разговора не было! – вдруг завизжала Кара. – Ты нас! – тут и дураку понятно, что она имела в виду «обманул».

Вордо проигнорировал вспышку, что-то крикнув одному из парней, суетившихся на поляне. Я, оторопев, пытался переварить новую вводную: «ушастые». Кого можно назвать ушастым? Это эльфы что ли?! Тут есть эльфы! Может, и гномы, орки, кобольды, панды. Нет, панды из другой оперы, но эльфы! Черт меня подери, эльфы! Кто еще может быть ушастым? Не зайцы же! Мечи, луки, стрелы и эльфы! Спокойно, Саня, теперь ты в...

Между тем шевеление на поляне принимало осмысленный вид. Раненых перевязали, невредимые взяли на себя часть их невеликой поклажи. Палатку и поварской набор бросили – они сильно стесняли передвижение. Напоследок Вордо собрал всех и толкнул небольшую речь. Я понял почти все из того, что он говорил, спасибо моторчику, который

вовсю работал в моей голове, предоставляя почти синхронный перевод.

– Все вы знали, на что шли, – глухо начал он. – К вам, – Вордо обвел всех взглядом и начал с незнакомого слова, – нет, если бы все сработали, как надо, мы бы ушли без, – полагаю, тут он сказал про «потери». – Но мы все равно уйдем. Вас ждут женщины, холодное пиво и, – снова множество непонятных слов, смысл которых до меня все-таки доходил, – лично от меня!

Его слушали молча, но слова про возможную оплату убытков были встречены одобрительным гулом. Полагаю, речь шла о компенсации. Несмотря на недостаток знакомых слов, большинство оказалось примерно понятно. Я незаметно вглядывался в лица тех, кто стоял перед нами, и видел решимость и надежду. Никаких аур, это читалось в их глазах.

Была ли в словах предводителя отряда хоть капля правды? Эльфы в книгах отличались завидной агрессивностью и мстительностью. А какие они здесь? Судя по тому, сколько народу уцелело, притом, что нападавшие пользовались эффектом неожиданности, человеколюбием и слабостью эти существа не отличались и тут.

– Мы убили всех, – сказал кто-то. – Чего нам бояться?

– Они успели послать сигнал, – глухо произнесла Кара. Народ сразу оживился, но эмоции меня не порадовали. Эти слова опустили боевые качества отряда ровно наполовину. В голосах слышались панические нотки.

– Да, они успели, – заявил Вордо. – Это значит, что у нас есть два, – ясно, что дальше речь шла про время, но для меня слова звучали на тарабарском наречии, поэтому я не понял, – чтобы уйти из леса. Нам нужно полтора, – снова то же самое слово. – Поэтому идем быстро!

– Раненые не выдержат, – обвиняюще бросил кто-то, все старались не смотреть на двоих молодых ребят лет двадцати двух – двадцати трех. Одного из них я узнал – он приходил за мной. Второй – низенький, подвижный парнишка – подволакивал левую ногу. Ни о каком темпе передвижения в его случае говорить не приходилось. Он мог просто ползти из точки А в точку Б с какой-то скоростью. Доберется или нет – большой вопрос.

– Все знали, на что шли, – еще раз повторил Вордо. – Выходим через! Предупреждаю, ждать никого не будем.

– Дайте мне нож, – вдруг глухо произнес хромой. – Я останусь.

Разговоры разом стихли. Все смотрели на щуплого парня и не могли поверить в его слова.

– Тебя убьют! Ты не сможешь с ними справиться! – заговорили разом в отряде.

– Пусть так, но я постараюсь, – следующее слово не разобрать, – свою жизнь, – упрямо сказал он. – Дайте, – он требовательно посмотрел на главу отряда, видимо, имея в виду какое-то оружие. Я бы, например, остановился на пулемете.

Вордо подошел к нему и протянул свой нож рукоятку впе-

ред.

– Он долго, – произнес Вордо и зашелся длинной речью, в которой я не понял ни слова, – теперь пусть тебе.

Парень молча принял оружие, взвесил в руке и кивнул. Я почти физически почувствовал, как в голове что-то щелкнуло и у меня появилось очередное новое слово – «служить». Система стабильно работала в пассивном режиме, постоянно пополняя словарный запас. Незнакомых слов становилось все меньше.

– Уходим! – коротко бросил Вордо, подхватывая с земли свой мешок.

Мы шли уже сутки. Вордо с ходу взял предельную даже для здоровых парней скорость передвижения, и лес замелькал в глазах, как кадры плохого кино. Самые выносливые шли впереди, прорубая дорогу, если идти становилось совсем тяжело. Они менялись каждый час, и к концу этого времени на них было страшно смотреть. Остальным оставалось лишь пошевеливаться, чтобы держаться сзади.

Отстанешь – смерть. Каждый из нас чувствовал ее шаги за спиной. Для меня предчувствия становились настоящим кошмаром, потому что я никогда не видел обличья этой смерти. Что это будет? Стрела, меч или магия? Умеют ли эльфы колдовать? Я не хотел сгорать заживо или насквозь прорасти корнями деревьев – воображение старалось всю, мешая в кучу слухи, правду и небылицы.

Перед глазами до сих пор стояло бескровное лицо молодого парня, обреченно смотревшего нам вслед. Его фигура быстро скрылась за частоколом деревьев, но еще долго я не мог забыть его взгляд. Взгляд мертвеца. Живым нужно было бороться, чтобы сохранить самое дорогое, что у них есть, – жизнь.

Как ни странно, мой организм с пониманием отнесся к нагрузкам. Да, я, как и все, падал от усталости на коротких привалах, но каждый раз поднимался и двигал ногами. Меня не ставили во главе отряда и на том спасибо.

Гораздо большее неудобство вызывала моя осанка. Из-за того, что я не мог держать голову прямо и подвижность шеи вызывала большой вопрос, мне приходилось туго. С одной стороны, со временем я приноровился настолько, что почти перестал спотыкаться. С другой, меня с изрядной регулярностью хлестало по лицу ветками, которые едва доставали другим до груди. Паутина упорно лезла в глаза там, где остальные ее просто не замечали. В остальном я держался наравне со всеми.

Вордо, как мог, нас подгонял. Несколько раз он шел рядом со мной, задумчиво на меня посматривая, но так и не проронил ни слова. Не хотел говорить при свидетелях? Да и что он мог мне сказать? У меня то и дело закрадывалось сомнение в том, что я его понимаю, зачем ему семнадцатилетний горбун-оборванец, даже обладающий какими-то сомнительными способностями. Кому нужны языки, когда в цене

те, кто может их укорачивать?

Вечером первого дня мы потеряли еще двоих. Один из них – тот самый парень, который ко мне подходил. Я так и не узнал его имени. Он долгое время держался наравне со всеми, старался даже шутить. Но уже к вечеру его хромота стала заметнее. Его старались подбадривать. Орен все время шла рядом с ним, они о чем-то переговаривались. Когда совсем стемнело, они держались последними. Естественно, никто и не думал за ними следить.

Когда мы остановились на очередной привал, их уже не было. Кара было вскинулась, чтобы послать кого-то отыскать беглецов, но Вордо отрицательно покачал головой.

– Пусть идут, это их выбор, – было видно, что он уже выбросил их из головы.

Подозреваю, они решили уходить в сторону от нашей основной группы в надежде, что наши преследователи не пойдут за ними. Может быть, в такой ситуации я и сам бы так сделал. Но сейчас мои чувства кричали, что хоть какие-то шансы на выживание есть только рядом с Вордо. Он знал, что делал, и в нем чувствовалась уверенность в своих силах.

Последнее время я почти не ощущал чужих эмоций. Обо мне забыли, до меня не было дела. Не отстает от других и ладно. Данный факт лишний раз подтверждал мою версию: я чувствую лишь то, что направлено на меня. Никакого чтения мыслей – мне достался инструмент для собственной безопасности. За оружием массового поражения к долбаным

книжным героям. Если на город сбросят атомную бомбу или случится обвал, я буду пребывать в счастливом неведении, пока шляпка гриба не долбанет мне по маковке.

С одной стороны, мне достался весьма спорный набор для супергероя, с другой, грех жаловаться, могли не подкинуть и этого. Как говорится, цени, что имеешь. Так как любые мои мысли крутились вокруг выживания, лишний шанс остаться в живых мне точно не помешает.

На сон выделили два часа. При этом Вордо заявил, что это непозволительно много. Ну или я понял именно так. Наш предводитель воистину железный, он ухитрился не только возглавлять колонну, но и время от времени исчезать с кем-то из отряда, уходя в дозор. Подготовка у него будь здоров. Сколько за ним наблюдал, столько видел его уверенный шаг, размеренное дыхание и постоянную готовность к непредвиденным ситуациям. Он все видел, все знал и все контролировал.

Нас подняли, когда солнце еще и не думало просыпаться. В этот час лес был совершенно тих и спокоен. Наши командиры были уже на ногах. Кара, несмотря на свои габариты, стойко переносила тяготы марш-броска. Она что-то втолковывала одному из своих парней, тот согласно кивал. Вордо подошел ко мне и, не глядя в мою сторону, бросил:

– Когда все начнется, держись за спиной.

Я удивленно на него уставился, но он сказал все, что хо-

тел, и его куртка уже мелькала в голове отряда. Что он имел в виду? Что начнется? Нас все-таки догнали? А как же те два дня, о которых он говорил? Я опасливо оглянулся назад, но тьма слепила глаза, и взгляд проникал не дальше пятнадцати-двадцати метров.

Знает ли об этом кто-то еще? Судя по размеренным движениям людей и сосредоточенным сборам, вряд ли. Почему Вордо решил предупредить именно меня? Означает ли это, что он надеется выжить и вытащить нас отсюда? Может, все не так уж плохо?

Мои размышления были прерваны звоном стрелы, глубоко засевшей в дереве. На мгновение все вокруг замерло, чтобы взорваться криками людей, почуввавших смертельную опасность. Парни схватились за луки, но в кого стрелять в такой темноте? Напрасно мы вглядывались в пространство между деревьями, откуда прилетела оперенная смерть: наши глаза не могли ничего различить.

Пятеро мужчин замерли, держа луки наизготовку. В руках Кары покачивалось короткое копьё с повязанным у наконечника куском грубой веревки. Вордо спокойно ждал рядом со мной, даже не обнажая меча. Сдался? Знал что-то такое, чего не знали мы все?

– Опустить луки, – вдруг негромко приказал он. На него недоумевающе оглянулись несколько человек.

– Но, – ему несмело возразило несколько голосов.

– Я сказал, луки на землю! – в его голосе скрежетнул ме-

талл. – Быстро!

Вот, что дает непререкаемый авторитет – люди с неохотой, но опускали оружие, кто-то принялся убирать в колчаны уже подготовленные для врага стрелы. Негромким ворчанием они выражали свое недовольство, но подчинились. Кто-то прошептал, что теперь у них нет шансов спастись. Может, Вордо рассчитывал на милость преследователей? Если так, то он был в одиночестве.

Тьма шагах в тридцати зашевелилась. Сумрак сгустился, явив собой высокую, почти под два метра, фигуру. Она медленно приближалась к нам, и я подумал, что, пожалуй, только так и нужно изображать смерть. Каждому из нас хотелось оказаться как можно дальше отсюда, мы понимали, что пошли последние минуты нашей жизни. По-моему, кто-то пытался молиться. Кара ругалась, только крепче сжимая древнокопья.

Смерть стала ближе еще на десяток метров, и я, наконец, смог разглядеть ее в мельчайших подробностях. Это определенно был эльф! Наши фильмы очень точно описывали детали. Кто-то действительно их видел? Или они жили инкогнито среди нас и сами снимали про себя фильмы? Вполне рабочая гипотеза, если учитывать мой случай. Острые уши, длинные волосы – все как полагается. Из сюжета выбивался лишь рост. Одежда очень сложного покроя, где переплелось все: и хаки-комбинезон, и официальный костюм, и парадная форма. Как описать то, чему в русском языке нет названия?

Удивительно другое: как во всем этом эльф умудряется спокойно ходить по лесу? Причем, видимо, не только ходить.

Эльф свысока оглядел всех нас, на его лице, утопающем в предрассветной тьме без труда разглядеть можно было только презрительную улыбку. Он безошибочно выделил взглядом главного среди нас.

– А ты знаешь наши, – и голос его вполне соответствовал описанию в книгах: мелодичный, струящийся, холодный, как лед. Но что он имел в виду: обычаи или порядки? Новый собеседник оказался источником новых слов. – Но это вам не поможет. Сегодня наши мечи напьются кровью животных, – дальше его речь забралась в какие-то дебри, так что мой переводчик совсем запутался. Впрочем, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: нас только что прилюдно унизили.

– По правилам дома Л'Ворг, – вдруг сказал Вордо, – враг, нанесший семье смертельное оскорбление, не может быть убит стрелой. Только глаза в глаза и самым ужасным образом, – главарь был безмятежен, чего нельзя сказать обо всех остальных. – Ему отрубают руки и ноги. Лук можно использовать только в том случае, если эльфу угрожают таким же оружием.

Откуда он все это знает и зачем рассказывает? Может, психологический прием? Старается вывести ушастого из себя? Я заметил, что речь Вордо разительно изменилась, мне стало гораздо сложнее его понимать – слишком много незнакомых вычурных слов, мой встроенный анализатор принял-

ся давать сбои. Впрочем, общий смысл я все-таки ухватил: сейчас будет рукопашная схватка.

Не знаю, как там с душевным равновесием, а с вниманием у эльфа все было в полном порядке. Вордо подвергся самому тщательному осмотру. Оценивающий взгляд ушастого исследовал, казалось, каждый миллиметр на теле вставшего на его пути человека. Эльф по-прежнему был уверен в своих силах, но на этот раз в голосе его сквозила задумчивость и немалая толика удивления.

– Кто ты, так много знающий о нашем доме, враг? Открой свое имя!

Вордо лишь усмехнулся в ответ.

– Зачем тебе мое имя, эльф? Ты хотел драться, так не теряй время.

– Мы все равно узнаем его, зачем рисковать? – удивился эльф, выделяя голосом последнее слово, которое я не понял.

– Это мы еще посмотрим, – Вордо отцепил от пояса ножны и обнажил меч. – Кто и чем рискует.

А дальше все закрутилось.

Так получилось, что все страшные события обходили меня стороной, хотя я и находился в самом их центре. Как и было велено, я держался за спиной Вордо и не встречал в драку. Да, признаться, мне и не особо хотелось. Что я мог продемонстрировать? Чудеса неуклюжести? Этого добра хватало и без меня.

Эльфов оказалось трое. Звено. Главный, так же, как и Вордо, остался стоять на месте. По его знаку из темноты в нашу сторону метнулись две гибкие фигуры в темных комбинезонах, ростом ничуть не уступавшие своему предводителю. Навстречу им, бессвязно крича, бросились люди. Шестеро против двоих – численный перевес был на нашей стороне, и поначалу мне казалось, что мы покажем ушастым, где раки зимуют. Видимо, также думали и разбойники: нас много, их мало, нас больше – мы победим! Эту ошибку большинство из них не успело даже осознать. В руках эльфов мельничными крыльями замелькали мечи, и первой, разбрызгивая кровь из глубокой раны на шее, упала Кара. Ее глаза что-то искали, она судорожно пыталась закрыть порез, но лезвие меча эльфа зацепило артерию. Кровь толчками вырывалась сквозь плотно сведенные пальцы, унося с собою жизнь этой большой женщины.

Мне доводилось видеть кровь умирающего. Года полтора назад я стал свидетелем драки, в которой с самого начала не было правил. В ход шли любые подручные материалы. Возможно, кто-то из участников был под кайфом, потому что ни до, ни после я не видел такой ярости, с которой люди бросались друг на друга, словно грызлись две своры диких собак. Как я ее пережил? Достаточно спокойно, потому что смотрел на все из окна, а вид крови давно не вызывает у меня каких-либо чувств. Конечно, не очень приятно видеть разбитые до кости черепа, но возвращённые на фильмах Тарантино

подростки привыкли и не к такому.

Сейчас все изменилось. Мое участие не ставилось под сомнение. Инстинкты чужого тела выли, как сигналы тревоги на подводной лодке во время экстренного погружения. Возможно, в тот момент мне еще не приходило в голову, что венцом столкновения станет моя смерть, но бывший владелец тела отчаянно рвался к его управлению. Мне с огромным трудом стоило не сорваться в лес, где меня ждала неременная смерть.

В мои годы о костлявой не думаешь, кажется, что ты будешь жить вечно. Я бросал отчаянные взгляды на Вордо, но тот спокойно стоял и смотрел, как тает, словно снег на солнце, его отряд. Вот осталось четыре, теперь уже три человека. Люди кричали теперь уже от страха и ожидания скорой, но отнюдь не легкой смерти. Каре в чем-то повезло – она умерла первой и быстро. Остальным не удалось ускользнуть так просто. Эльфы не убивали мгновенно. Они рубили руки, ноги, иногда это не удавалось с первого раза, и тогда следовала еще одна попытка, третьей попытки никому не досталось. Глядя на этот праздник крови, я из последних сил сдерживал внутренности, – к такому не готовят в фильмах, – рвущиеся наружу, но заставлял себя смотреть, запоминая все в мельчайших деталях. Мне нужно это видеть, потому что я знал: если каким-то чудом выберусь отсюда живым, у меня в этом мире будут враги.

У нас не было никаких шансов. Эльфы были быстрее,

опытнее и владели оружием на каком-то непредставимом, запредельном, с моей точки зрения, уровне. Мечи мелькали с такой быстротой, что во время удара я видел только смазанную полосу. Человек в это время был уже мертв. Но почему Вордо не пытается сражаться? Он не сделал даже попытки помочь своим людям. Бойтся? Я не видел его лица, но в его позе не было страха. Он стоял и просто ждал, когда все закончится.

Я не мог поверить в то, что человек готов безучастно наблюдать, как чужаки убивают твоих соплеменников. Я знаю, что говорю. Мы готовы драться друг с другом. Нам не привыкать рвать глотку родственникам и друзьям. Но стоит прийти кому-то извне, как бывшие враги объединяются в монолит, которым можно разбить голову любой твари, посмешней поднять на нас руку и встрявшей в наши разборки.

Когда последний из людей лишился жизни, оба эльфа неторопливой походкой направились к нам. Нас разделяло не более пяти метров. Вокруг лежали разрубленные тела, руки отдельно от туловищ. Отрубленные головы и кровь повсюду проступали сквозь муть предрассветной мглы. Я словно со стороны наблюдал за происходящим. Две фигуры, с ног до головы залитые чужой кровью, казались богами жестокости. Свободная, танцующая походка, чуть насмешливый взгляд и полные презрения глаза.

Таковыми они и умерли. Я не смог разглядеть даже намёка на движение, а оба длинноухих уже валились на землю.

Головы с прекрасными чертами лица медленно сползали с плеч, поблескивая изумленно распахнутыми глазами.

Вордо все также неподвижно стоял напротив главного эльфа, лишь чуть-чуть изменив стойку. Неуловимым движением он стряхнул капли крови с меча. Все, что осталось от гордых и презрительных воинов.

Тут-то я и струхнул по-настоящему. Куда это я попал? Точнее, во что же вляпался? Какие торговые караваны и разбойники? Вот же она, расовая междоусобица во всей красе! Война в тени деревьев и во мраке коридоров, не менее, а зачастую более жестокая. Битва, до полной безоговорочной победы одного и бесследного исчезновения другого. Бесчеловечная и безжалостная бойня, свидетелем которой я только что стал. Нужны кому-нибудь такие свидетели?

Тем временем от спокойствия эльфа не осталось и следа. Его взор пылал ненавистью, а лицо превратилось в звериную маску.

– Мастер меча! – выплюнул он сквозь зубы. – Аллиец, проклятый Светом!

Мой переводчик дымился из-за обилия слов.

Вордо молча поклонился, развел руками, как бы извиняясь за правоту собеседника. Ты, мол, оказался прав, что делаешь?

– Ты украл! – рывкнул эльф какое-то слово, и вся музыка голоса длинноухого вмиг превратилась в рычание тяжелого рока.

– Я мог бы сейчас рассказать, каким она появилась у вас, но не буду, – Вордо качнул мечом в сторону врага. – Мне не хочется отдавать то, что получил с таким трудом! Ты собираешься ее вернуть? Предлагаю не сотрясать воздух зря и решить наш вопрос немедленно! Тем более у нас есть, – последнее слово я не разобрал, а Вордо насмешливо оглянулся, остановившись на моем лице взглядом. – Когда еще парень увидит, как дерутся мастера?

– Я убью тебя! – эльф внезапно успокоился, но меня своим вниманием так и не удостоил, а мне в копилку упал перевод еще одного слова – «свидетель» – оно не слишком нравилось мне и раньше, стоит ли говорить, насколько не в восторге от него я теперь.

– Возможно, – кивнул Вордо, – на все воля, – он бросил взгляд вверх.

– Сначала я покончу с тобой. Потом я убью его, – эльф плавным движением извлек из-за спины оружие в виде двух сабель, скрепленных общей длинной рукоятью, – и заберу свое!

Вы видели когда-нибудь соревнования по спортивному фехтованию? Спортсмены расходятся в разные стороны, шпаги замирают в салютующем приветствии. Затем стойка, правая рука направлена в сторону противника, кончик шпаги отплясывает перед маской. Резкий рывок вперед, финт, укол. Крик судьи фиксирует касание шарика на острие шпа-

ги груди твоего оппонента, удар засчитан!

Не знаю, сколько ударов требуется для победы, я тогда случайно оказался на этих соревнованиях, потому что мой партнер был спонсором одной из команд. Сейчас передо мной разыгрывался совсем иной приз. В тот момент я до конца не осознавал, что, проиграв сейчас Вордо, жить мне осталось какие-то мгновения.

Вордо, вот еще загадка, которая открывала все новые и новые грани. При нашей встрече это лишь шальной атаман. Немного погодя в нем проступили очертания служаки, который затем превратился в лазутчика и специалиста по ночным операциям. И вот сейчас передо мной опять совершенно другой человек. То, с какой легкостью он справился с двумя эльфами, которые до того с не меньшей быстротой разделались со всеми его людьми, вызывало еще больше вопросов. Время для них, несомненно, настанет, если я выживу. Если победит Вордо.

Смертельные враги замерли напротив друг друга, их разделяла полоска земли, залитая кровью людей и эльфов, она дымилась в лучах пробивающегося сквозь листву солнца, словно поверхность лесного озера. Едва ли больше пяти метров, но это расстояние отделяло жизнь от смерти, мою жизнь от моей смерти. Где-то высоко просыпались птицы, неуверенно сообщая своим товаркам о начале нового дня, а внизу начался поединок, завершавший очередную главу моей жизни.

Глава 9

Какими бы эльф ни бросался словами, с какой ненавистью ни буравил Вордо взглядом, стоило противникам взяться за оружие, вся его горячность и пафос испарились без следа. Рассвет почти разогнал утренний сумрак, подарив мне прекрасную возможность рассмотреть все в деталях.

Я не мог видеть лица человека, потому что находился у него за спиной, зато его враг стоял, как на ладони. Расслаблен и сосредоточен одновременно. Идеальной формы лицо выглядело словно безжизненная посмертная маска, в глазах не осталось ни капли чувств: ни ненависти, ни презрения, ни жестокости – все ушло, сгнуло, уступив место доведенным до автоматизма рефлексам. Вступи он в бой с самого начала, история могла пойти совсем по-другому.

Какой поединок меня ожидал? Какие вершины мастерства покажут сейчас эти два воина? Несмотря на понимание того, что моя жизнь может вот-вот оборваться, я приготовился внимать пению схватки, обманным финтам, сменяющим друг друга, жестким блокам и хитрым ударам. От противников невозможно было отвести глаз. Они оставались неподвижны, ни один мускул не дрогнул у них на лице, но битва титанов уже началась.

Противники сделали всего один шаг вперед и пропали. Какие финты? О каких ударах речь? Я даже рта от изумле-

ния раскрыть не успел! Вот они стояли на месте, а спустя мгновение один из них, покачиваясь, зажимает рукой левый бок, а второй бесформенной грудой оседает на землю. Все, бой закончен.

Я не разглядел ни одного удара, движения обоих оказались настолько быстрыми, что осталось лишь довольствоваться результатом. На заднем плане мелькнула мысль о том, что хорошо бы глянуть видеоповтор, но откуда ему тут взяться?

Я бросился вперед, даже не осознавая, кто из них победил. Взял верх эльф, и тогда мой конец будет страшен, или победа за человеком? Впрочем, в этом случае определенности было не больше. Уж слишком много лиц у моего спутника. С каким цинизмом он отдал на расправу всех своих людей. Как еще можно назвать происходящее на моих глазах?

В следующее мгновение глаза отметили рост неуверенно стоявшего на ногах существа, и я со всей ясностью ощутил приближающийся конец. Стоило ли отвоевывать свое место под солнцем и изображать из себя шута, чтобы найти смерть на пороге новой жизни? Хотя откуда мне знать, так ли уж радужна была бы эта другая жизнь. Возможно, лучше разобраться с вопросом сейчас?

Эльф словно почувствовал мой взгляд, и обернулся. На губах у него играла кривая усмешка. Левой он сжимал рукоять своего странного оружия, одним концом упиравшегося в землю. Вторая рука медленно ползла по груди вверх, шурша

одеждой, по которой проходила ладонь. Его глаза обещали мне жуткую смерть. Я замер в странном оцепенении, наблюдая, как он делает шаг в мою сторону. Бежать я и не думал, понимая полную бесперспективность.

– Хватит стоять, – раздался слабый голос Вордо откуда-то справа. – Лучше помоги мне.

– А... он? – забыв про плохие манеры, я показал пальцем на по-прежнему ухмыляющегося длинноухого.

– Ему уже не нужна твоя помощь, – хмыкнул голос, превратившийся стоном.

Эльф сделал еще полшага, в глазах его появилось недоумение, и он сломанной куклой упал лицом вниз прямо у моих ног. От неожиданности я тупо смотрел на неподвижное тело, не в силах оторвать от него изумленный взгляд.

– Долго мне еще ждать? – сварливо поинтересовались снизу. Тут я опомнился и бросился помогать человеку.

Удивительно, но Вордо тоже лежал лицом вниз и не делал ни малейшей попытки себе помочь. Крови ни на лице, ни на его куртке почти не было, но он не двигался, валяясь на земле, словно марионетка без своего кукловода. Я с трудом перевернул его и, подхватил под руки. Несмотря на его невеликий рост, ноша оказалась для меня неподъемной, так что пришлось волочь его по земле., чтобы облокотить на ствол дерева.

Кругом лежали мертвые тела, мне приходилось расталкивать трупы, чтобы протолкнуть тяжелое тело атамана. Все это

время его голова болталась из стороны в сторону, и я слышал, как он щедро сыпал проклятиями. Мой анализатор и переводчик в одном флаконе смиренно помалкивал, так что я не понял ни слова. Может, кто-то включил фильтр ненормативной лексики? Я хмыкнул: это что же получается, если мне придется ругаться, с моих уст будут слетать только «пи»? Сомнительная перспектива, черт возьми.

– Вы убили его! – прохрипел я, прислоняя непослушное тело Вордо к корням. Атаман весил не меньше сотни кило, и для меня эта попытка прошла по графе «подвиг».

– Убил-убил! – усмехнулся он. – Длинноухая тварь слишком много болтала, – он добавил что-то еще, но мой анализатор помалкивал, оставив его замечание без внимания.

Сообразив, что я не слишком хорошо его понимаю, Вордо демонстративно вздохнул, закатывая глаза.

– Знаешь, парень, у нас не так много времени, как хотелось бы, – Вордо старался говорить бодрым голосом, но я чувствовал, что его самоуверенность дала трещину. Он предложил мне задать все интересующие меня вопросы и дать на них исчерпывающие ответы. При этом он все время старался упростить свою речь, как только видел, что я перестаю понимать хотя бы общий смысл беседы. При этом Вордо заметил, что мне удалось его удивить скоростью, с которой у меня получилось овладеть языком. Мой словарный запас постоянно пополнялся, и я понимал его все лучше. В конечном счете, он признался, что поначалу думал обо мне,

как о малообразованном человеке, и приобретение Храста не одобрил, наоборот, всячески старался ему показать, как его обманули. Теперь же он признает ошибку и готов поделиться всей информацией, которая ему, волей судьбы, оказалась доступна.

Выслушав его предложение, я дождался, как мне в копилку «капнет» ещё несколько слов: это были «предлагаю», «день», «покупка» и «деньги». Не знаю, как работает моя переводческая машинка, но пашет она будь здоров. Особенно эффективно лексикон обновлялся, когда в предложении знакомые слова чередовались с незнакомыми, но легко читаемыми по смыслу.

Несомненно, Вордо на порядок образованнее и умнее, чем я думал, поэтому к концу беседы мой словарь изрядно распухнет от новых слов. Так что для меня польза вдвойне.

Я кивнул, соглашаясь, попутно отмечая себе, что оказался прав: все-таки меня купили. Небось такие, как я, идут пятачок за пучок.

– Давай, спрашивай, – хмыкнул Вордо.

Вопросы у меня были. Видит бог, их оказалось столько, что мне не хватило бы и месяца, чтобы их задать, что уж говорить про ответы. Какой же из них главный?

– Вы с самого начала хотели их всех убить? – я зарядил пробный шар.

Аура Вордо заиграла таким изумлением и сожалением,

что я понял, что угодил в точку. Он явно думал обо мне, поэтому чувства буквально лучились красками. К этому букету примешивалась крохотная толика страха, где-то на удалении летал аромат угрозы и чего-то еще. При этом я заметил, что при физическом контакте моя способность работает гораздо эффективнее. Как будто в картинке появляется объем и совершенно новые детали. Интересненько. А что вот это такое, совсем на периферии? Как будто легкое недомогание, когда, казалось бы, чувствуешь себя превосходно. Иногда такое бывает перед самой болезнью. Ты вроде еще и чихать не начал, а уже понимаешь: приехали, пора бежать в аптеку.

– Ого! Вот прямо не ожидал, – наконец, зашелся от смеха он. – Ты просто, – он сказал несколько непонятных слов, – парень. А как же вопрос для всех, – опять сказано непонятно, – где прячешь деньги? – Вордо долго и заразительно смеялся, но мне было не до смеха. Наконец, его смех оборвался, глаза человека при этом оставались холодны, в них не было места веселью. Он внимательно меня оглядел с головы до ног, словно видел впервые и дернул щекой. Я уловил досаду и облегчение. – Хорошо, Иан, раз уж мы говорим серьезно, то давай – без утаек, – Вордо снова употребил непонятное слово, которое спустя секунду все-таки прозвучало в моей голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.